

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ



Убийство
на Неглинной



Фридрих Евсеевич Незнанский
Убийство на Неглинной
Серия «Марш Турецкого»

From FIDO
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137891

Аннотация

Ранним утром в Москве, на Неглинной улице, у ворот Центрального банка России, убит вместе со своей охраной вице-премьер России. У следствия, которое возглавляет А.Б.Турецкий, имеется несколько версий на этот счет. Но когда в процессе расследования начинают проясняться истинные мотивы заказного убийства, появляются опасения, что генеральские погоны, обещанные «важняку» за успешное раскрытие громкого преступления самим президентом, могут и не найти своего нового хозяина.

Содержание

Пролог САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, КОНЕЦ АВГУСТА 1997 ГОДА	4
ПО ИНИЦИАТИВЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА	8
РАЗМЫШЛЕНИЯ В КУПЕ СПАЛЬНОГО ВАГОНА	14
ТЯЖКАЯ ДОЛЯ ПОСЛАННИКА	19
ОТКРОВЕНИЕ БЫВШЕГО ВОРА В ЗАКОНЕ	26
СВИДЕТЕЛЬ ИЛИ СОУЧАСТНИК УБИЙСТВА?	34
ВЕРОНИКА ЗАГОВОРИЛА	43
РОКОВОЕ ДЕЙСТВИЕ АУДИОКАССЕТЫ	51
КАЖДОМУ – СВОЕ УТРО	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

– И еще. Я хочу, чтоб ты правильно меня понял. Нам придется несколько сместить, так сказать, намеченные ориентиры, Василий Ильич. Поверь, не моя это инициатива, но у нас, в Москве... словом, мы тут, как принято говорить, посоветовались... Короче, основной груз ответственности возьмет на себя банк «Универсал». Потапова ты знаешь. Если нет, познакомлю, толковый мужик. Речь, конечно, как ты понимаешь, идет о контрольном пакете. Ясна картина?

– А что будем делать с его конкурентами? Они не успокоятся.

– Бог не выдаст, как говорится... Да и ты не новичок. Знаешь такую байку? Доступ к телу ограничен.

– К чьему телу-то? – вздохнул Михайлов.

– Ну-ну, – покровительственно заметил звонивший. – У Потапова, кстати, есть еще несколько деловых предложений. Он либо сам подъедет, либо я тебя на парочку деньков сюда вытащу. Есть о чем поговорить по душам. Ну а как там твоя большая половина?

Он имел в виду супругу Василия Ильича, женщину могучую и не знающую сомнений. В отличие от мужа.

– На этом фронте без перемен, – отшутился Михайлов.

– Ну, я рад за тебя. Значит, договорились. Решение кабинета ты получишь в течение двух дней. С Богом!

Положив трубку, Михайлов тяжело задумался. И было над чем. Недели полторы назад в Коммерческом клубе, куда Михайлова специально пригласили на обед новые питерские бизнесмены, как бы сам по себе затеялся острый разговор о явной экспансии московских банков и о той двусмысленной политике, которая проводится под крылом кабинета министров России. А кому же, как не Михайлову, являющемуся председателем Комитета по управлению городским имуществом, было не знать об этом. Крупнейшие предприятия последовательно и целеустремленно доводились до банкротства, а затем за вполне символические миллиарды «деревянных» становились чужой собственностью. И эта волна катилась по всей стране: на Дальнем Востоке, в Кузбассе, в срединной России, и здесь, в бывшей северной столице. И за каждой такой акцией стояли вполне конкретные банки, финансовые группы и лица. Жестокий передел напрочь сметал конкурентов, обострял борьбу уже в высших эшелонах власти.

Как понял Михайлов, именно желание оградить себя от вторжения неразборчивой в средствах достижения целей Москвы и заставило каким-то образом сплотиться петербургским деловым людям, судьба большинства из которых была уже предрешена. Объяснять эту банальную истину было смешно, и Михайлов старался отделяться от особо воинственных наскоков с присутщим ему юмором.

Однако были среди собравшихся двое-трое молчаливых слушателей. Они, казалось, не обращали внимания на шуточные реплики официального хозяина городского имущества, а занимались исключительно обедом. Михайлов, конечно, знал их, как ведомо ему было и то, что стародавние времена, о которых грезило большинство присутствующих, этих «новых русских» и на порог бы подобного заведения не пустили. Но времена изменились, и бывшие воры, чьи истинные капиталы не поддавались никакому государственному учету, заняли-таки свои места в новейшей иерархии. И власть их далеко распространялась за видимые пределы. Равнодушные физиономии, незаинтересованные взгляды... Это все, знал Михайлов, элементы большой игры, где все остальные участники, суесящиеся со своими «острыми» вопросами, лишь обычные фишки на клетчатой доске истории нового российского времени.

Тягостное впечатление произвело их молчаливое присутствие на Михайлова. Ибо здесь лишь он один мог знать, какой следующий шаг сделает государство в своей экономической политике и чем этот шаг отзовется для «мелкой сошки».

И вот теперь шаг сделан. Крупнейшее отраслевое производственное объединение среди предприятий оборонной промышленности, акционированное и доведенное до полной нищеты, должно быть принесено в жертву федеральному бюджету. Госкомимущество, по сути, утвердило план приватизации «Озона», выставляемого на торги, где все приоритеты, как только что сообщил из Москвы вице-премьер Нечаев, один из авторов этой идеи, отдаются банку «Универсал». Следующим на очереди будет морской порт, чьи долги государству уже превысили любые мыслимые цифры.

Но ведь именно от этого остерегали Михайлова предприниматели из Коммерческого клуба, отстаивавшие своей интерес, и он старался удержать на лице хорошую мину, доподлинно зная, что игра давно сделана и им в ней места нет. А ведь гнев обманутых бывает страшен.

«Что ж, – усмехнулся он, поднимаясь и гася свет настольной лампы, – может, Бог действительно не выдаст, как уверяет Михаил Васильевич...» Он набрал четыре цифры внутреннего телефона.

– Новиков у вас? Пусть ждет в машине. Я уезжаю...

Высадив хозяина возле подъезда и поднявшись вместе с ним на четвертый этаж, Сергей Новиков, телохранитель и шофер Михайлова, подождал, пока за Василием Ильичом закроется дверь квартиры и, насвистывая, легкой походкой пошел по лестнице вниз. Уже сел в машину, когда зазуммерил «сотовик». Наверное, хозяин что-то забыл, решил он.

– Я еще тут, Василь Ильич! – сказал в трубку.

– Не гони коней, Митроха, – услышал он и насторожился: голос был незнакомый. Но дело в том, что Митрохой его звали всего несколько человек.

– А это кто? – внутренне напрягаясь, спросил он.

– Тебе привет привезли. – Голос был какой-то странный, будто механический. – Ты домой едешь?

– Машину поставить бы надо...

– Ну ставь давай и подгребай до хаты. Мы тебя там и встретим.

– Кто это – мы и как я вас узнаю?

– Мы сами тебя узнаем. Да ты не бзди, парень, мы по делу. Обсудим...

Хотел было ответить им Сергей, по-русски соответственно, но почему-то не решился.

– А вы-то далеко? Чего гонять туда-обратно! Лучше я сначала к вам подскочу.

– Можно и так. Выруливай на улицу и направо. Мы подойдем.

Но получилось так, что не они подошли к нему, а он сам подъехал к ним. Двое мужиков в джинсе и коже, один постарше, другой – ровесник Сергею, лет двадцати пяти – двадцати семи. Хотя в таком свете хрен чего разглядишь. У обоих сумки, какие носят «челноки». Сергей остановил машину, а те молча уселись на заднее сиденье.

– У тебя тут как, в порядке? – спросил тот, кто постарше. У него был сухой, без интонаций, голос.

– В смысле поговорить? Можно. Куда едем?

– На первый случай желательно к тебе. Ты один живешь. А как соседи?

– Да, в общем, ежели не базарить, нормально. Один – алкаш. Остальные – народ занятой. А вам надолго?

– Дело сделаем, и – обратно.

– Ясно. Так от кого привет-то?

– От Серафима.

– Эва! – только и сказал Новиков.

Серафим был серьезным человеком. Даже более того. И если бы сам Сергей не прошел до сегодняшнего дня и медные трубы, и волчьи зубы, то, пожалуй, испугался бы. Но привет от Серафима значил в любом случае очень многое. И дисциплина в этом деле была жесткой.

Если не сказать жестокой. Не хотел спрашивать, себе ж на голову, однако не мог и правилам изменить:

– Я нужен?

– За тем и приехали.

– Ясно... – В животе противно заныло. – Лады. Поговорим...

Подъехали к дому, по лестнице поднялись на шестой этаж. Сергей открыл ключом дверь в полутемный коридор квартирного отсека, прошел между нагромождениями выставленных за двери вещей, вошел в свою квартиру, зажег свет и призывно махнул рукой: быстро проходите. Гости бесшумно миновали коридор.

Закрыв дверь, Сергей обернулся к ним. Тот, который был постарше, назвался Николаем, молодой, длинноволосый, – Мансуром. Прошли на кухню, сели у стола.

– Жрать хотите? – спросил Сергей.

– Чего-нибудь горяченького... можно, – тонким, почти женским голосом сказал молодой. Сергей удивленно посмотрел на него: если бы не звали Мансуром, точно сошел бы за бабу.

– Особо-то ничего нету, – сказал он. – Сардельку вот могу. Чай есть.

– Если у тебя еще дела, кстати, – разрешил Николай, – мы и сами справимся.

– Да это... сколько угодно. Спать тут, конечно... Раскладушка есть. Матрас еще.

– Устроимся, – отмахнулся Николай.

– Ну ладно... – тянул Сергей, не решаясь ни уйти, ни вопроса задать. – Я это... собственно, вам-то зачем нужен?

Николай взглянул на Мансура, и тот криво усмехнулся, отчего лицо его приобрело неприятное, даже противное выражение.

– Нам не ты, нам твой хозяин нужен. – Николай в упор и с ожиданием смотрел в лицо Сергея, как бы ловя любое его движение.

– Зачем он вам? – хрипло спросил Новиков.

– Заказ, – коротко ответил Николай, не спуская глаз.

– Так... – Сергей устало сел на стул. – А я, значит?...

– А ты его привезешь, – сухо ответил Николай. – Так сказал Серафим.

Сергей долго молчал. Потом встал:

– Поеду. Машину поставить надо.

– Ты не ответил, – с угрозой произнес Николай. Мансур молчал, лениво глядя на Сергея.

– Слушай, ты! – сорвался на крик Новиков. – Ты сюда чего приехал? Свое дело делать? А я тебя не знаю! Я сам спрошу! И ты мне не указ, понял!

– Не ори, – спокойно ответил Николай. – Серафим ждет твоего звонка. Да – нет, весь ответ, так он сказал. Но если ты... – он угрожающе поднял указательный палец.

– Послушай, – едва сдерживая себя, очень тихо заговорил Сергей, – я с Серафимом в канализационной трубе, в говне, трое суток сидел, а где ты был, я не знаю, понял?

– Кончайте базар, – мягко сказал Мансур. – Ты, Сергей, езжай сейчас по своим делам, а когда вернешься, обговорим, что и как делать. Где, говоришь, у тебя сардельки? Надеюсь, не свиные?

– Говяжьки! – Выходя, Сергей еле сдержался, чтобы не хлопнуть дверью.

– Чудак! – усмехнулся Мансур. – Не зли его. Он все сделает, я вижу.

– Серафим вроде уверен в нем. Иди прими душ, дорогая. Я думаю, у нас полчаса есть. Может, успеем? Я ведь соскучился.

– Бегу, – и Мансур мягким женским движением потрепал Николая по щеке.

ПО ИНИЦИАТИВЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА

– Саша, извини, но если ты не очень занят, загляни ко мне.

– Не занят – в каком смысле? – удивился Турецкий.

– Ну, я же не знаю, какие у тебя в настоящий момент дела, – начал сердиться Меркулов, что выдавало его с головой: будь что-нибудь обычное, просто сказал бы «зайди». А поскольку с оговорками, если, мол, ты не очень... и так далее, значит, приготовил очередную бяку. Какую-нибудь тухлятинку, куда вынужден сунуть носом, хотя и не нашел для себя оправдательных причин, лучшего друга и верного младшего соратника.

А впрочем, зачем Косте нужны какие-то оправдания? Если он, будучи заместителем генерального прокурора, имеет чин государственного советника юстиции первого класса, что в армейских условиях приравнено к генерал-полковнику, а лучший друг – всего лишь просто полковник, или старший советник юстиции. Это Славке Грязнову легко острить: «Пламенный муровский привет господам советникам!» Они-то, может, и советники, да куда там второму до первого!

Впрочем, Славка – вот он, сидит напротив и с неподдельным интересом ждет продолжения диалога. Разговор-то по громкой связи.

– В настоящий момент? – Турецкий сделал как бы задумчивую паузу и подмигнул Грязнову. – Обсуждаем с коллегой план розыскных мероприятий. Подходит такой вариант? В конце концов, Костя, чем могут заниматься нормальные люди, если рабочий день кончился... – и он сдвинул левую манжету, – полтора часа назад?

– Это хорошо, что ты задержался на работе, а то я хотел было домой к тебе звонить, да вспомнил, что Клавдия, уходя, сказала: «Там к Сан Борисычу Грязнов пошел». Так что, если вы с ним еще не закончили свой... план, забирайте остатки, э-э... ваших набросков и валите ко мне. Только учти, у тебя до поезда чуть больше трех часов. – И Меркулов отключил связь.

– Ни хрена себе! – озабоченно произнес Грязнов. – Чего это с ним случилось?

– А ты не понял? – рассмеялся, впрочем, без особой радости, Турецкий. – Он же всю эту мутату ради последней фразы затеял. Хитрый черт! Прямо сказать не может: ты, мол, Саня, извини меня, старого дурака, но расклад получается такой, что тебе придется в очередное дерьмо окунуться, такая уж у тебя планида, друг ты мой сердечный! Пойдем, однако, пока ему не пришла в голову идея похуже...

Турецкий завинтил пробку ополовиненной литровой бутылки водки и сгреб мусор со стола в корзину. Грязнов завернул в бумагу оставшиеся пирожки с капустой, которые купил еще горячими по пути в Генпрокуратуру. – Хорошие пирожки, особенно когда ты весь день без обеда.

– Интересное дело, – бурчал Слава, – где это меня могла видеть Клавдия Сергеевна? Я ж в их крыло не заходил.

– Э, дарагой! – с кавказским акцентом заметил Турецкий. – В этом доме служба информации поставлена на недостижимую высоту! Ты понял?

– Стараюсь, но что-то не получается.

– Идем, по дороге расскажу.

Турецкий оглядел кабинет, проверил ручку сейфа, подергал ящики письменного стола – заперты ли, снял с крючка куртку и, вздохнув, погасил свет. Грязнов усмехнулся:

– У тебя прямо ритуал прощания с кабинетом!

– А кто его знает, что приготовил Костя? Кабинетик-то этот он мне буквально по дружбе устроил, к генеральному ходил, чтоб я тут у них под боком находился, и перевел меня из Благовещенского переуллка сюда, на Дмитровку.

– А вы, господин советник, чего же хотели? Сидели бы себе в следственном управлении и не лезли сюда. Так нет же – ведь тут на виду! Помелькаешь в коридорах, подсуетишься – глядишь, кто-то и сообразит: «А что это какой-то полковник в нашей вотчине отирается? Непорядок!» И дадут тебе генеральский погон, чтоб не выпячивался.

– Твоими бы устами да мед пить... Ох, Слава, генералы у нас секретаршами от народа загорожены, так что не подсуетишься.

– Ладно, хрен с ними. Ты чего-то начал про информаторов, а?

– Так это я просто старый анекдот вспомнил. Про товарища Сталина. Рассказать?

– Давай, давай, дорога дальняя...

И в самом деле, здание Генеральной прокуратуры построено так, что даже хозяева тратят уйму времени, чтобы пройти из одного конца здания в другой – чего уж тут говорить о приходящих. И поскольку кабинет Меркулова находился именно в противоположном крыле, к тому же на другом этаже, а в коридорах встречались одни полотеры, можно было и поговорить.

– Был такой писатель – Михаил Булгаков, слышал?

– Знаю. Дом на Большой Садовой, вечно там какая-то хреновина...

– Ага. Так вот, рассказывают, вызвал писателя к себе товарищ Сталин и спрашивает: «Говорят, Юрий Карлович Олеша пьет, это так?» – «Так, – отвечает Булгаков, – но не более других». – «А не продаст?» – спрашивает опять Сталин. «Не думаю, – говорит Булгаков, – для этого он слишком талантлив». – «Талантлив, говорите? – Сталин фыркнул в усы. – Это меняет дело». Берет синий карандаш и что-то зачеркивает в большой папке, которая лежит у него на столе. Потом закрывает папку и запирает в сейфе. «Во всяком случае, – говорит, – могу обещать вам лично, что о нашем разговоре Лаврентий не узнает...» А в этот момент портрет Берии, который висел над сейфом, вращал глазами!

Последние фразы Турецкий произносил со зловещим кавказским акцентом. Славка отсмеялся, потом спросил:

– А этот... Олеша, он кто?

– Тоже писатель. «Три толстяка» в кино видел? С Баталовым?

– По телевизору показывали. А чего он еще написал?

– Он, Славка, больше афоризмами последние годы пробавлялся.

– Ну например?

– «Озверевший фраер страшнее бешеной собаки». Подходит?

– Наш человек... Значит, ты подозреваешь?...

– Толку от моих подозрений! – И Турецкий выдал такую шутку, что Грязнов раскатисто загоготал, вытирая ладонью глаза. Полотеры смотрели на него подозрительно: в коридорах со скатанными ковровыми дорожками и сияющими натертыми полами вести себя следовало сдержаннее. Всем, но не Грязнову. Потому что за его спиной, как бы это кому-то из сидящих в данном здании не нравилось, стоял МУР. А это – не хухры-мухры. Только вот никак всё не могли убрать из Славкиной должности четыре идиотских буквы «врио». Потому и был он «вечным» исполняющим обязанности начальника, потому, кстати, и генералом не был. Но это, как говорится, все следствие. Причина же была в другом: не любил Грязнов ходить в министерство и в глаза замам подобострастно заглядывать. В принципе плевал он на них, и они это знали. А что сыскарь от Бога, так за то его и держат, за то и зарплату выдают. Понимал Турецкий, откуда у его друга такое непочтительное, мягко выражаясь, отношение ко всякого рода генералам. И не осуждал его.

А что касается слухачей – или стукачей, как будет угодно, – то этой публики всегда хватало в правоохранительных конторах всех степеней. Иначе каким образом содержание секретных совещаний у того же генерального прокурора немедленно становилось известным в некоторых, сильно заинтересованных структурах, не исключая криминальные?... Были вре-

мена, когда «жучков» находили в кабинетах заместителей прокурора. Но тогда это была, в общем, довольно грубая работа, следы которой при необходимом минимуме знаний легко обнаруживались. А нынче подобная подслушивающая техника монтируется в батарейках, конденсаторах, и хрен их неспециалист обнаружит. Поневоле будешь помалкивать в тряпочку. Враг не дремлет! Вечный лозунг России на все времена. Вот и получается, что не о делах насущных в родных стенах речи ведут, а в основном анекдотиками народ перебивается. Когда же всерьез приспичит, говорят: «А не пойти ли нам, дружище, в Столешники, свежих пирожков испробовать?» Словом, восемнадцатая серия про Штирлица...

Меркулов выключил верхний свет и сидел с настольной лампой. Потому лицо его оставалось в тени. Стол был идеально чист. На краю – свернутая газета. Это он, наверное, вместо скатерти приготовил, чтоб нечаянно полировку не запятнать. Столоначальник – одно слово.

– Привет, Вячеслав, – Костя протянул руку, не вставая. – Извини, старый становлюсь, ленивый, да и спина чего-то...

– А ты не расклеивайся, – нравоучительно заметил Грязнов, пожимая пухлую ладонь. – Рано еще. Как там твои?

– Спасибо, в порядке. Нам время тлеть, а им – цвести!

– Скажите на милость, – пробурчал Турецкий, расстелив газету на столе, – какие мы расслабленные и огорченные! Не верь ему, Славка, это он специально для тебя несчастного изображает. А сам вычисляет, как бы это мне вонючую такую пилюльку в пасть затолкать и чтоб я ее схавал и не выдрючивался.

– Вячеслав! – слабым голосом пожаловался Меркулов. – Ну хоть бы ты его научил не хамить пожилому и усталому начальству! Ведь вот как сейчас встану да как дам ему! Господи, за что?! Почему должен терпеть?... Доколе?!

– Славка, – засмеялся Турецкий. – Ты с попами дружил, как там известный протопоп своей женке отвечивал, не помнишь? Ну, когда она пыталась его: долго ли еще муки терпеть?

– До самых до смерти, – усмехнулся Грязнов. – Ино еще побредем.

– Вот именно, доставай пирожки. Это у нашего генерала от голода. Или недопития.

– Нахалы вы, – вздохнул Меркулов и вдруг забеспокоился: – Эй, голубчики, я эту газету совсем для другой цели приготовил! Стоп! – Константин Дмитриевич перевернул ее, осмотрел и ножницами вырезал небольшую заметку на первой полосе. – Вот так, а остальное можете использовать, как заблагорассудится.

– А чего там, Костя? – сунул нос поближе Турецкий.

– Для тебя, голубь ты наш! На, читай. Можешь про себя. А бутылочку-то давай сюда.

Слава, прими у него.

Меркулов ушел в приемную, где у Клавдии в шкафу хранились рюмки и печенье к чаю. Заодно пошарил в холодильнике и обнаружил непечатую банку крабов. Вернулся, протянул банку Грязнову:

– Инструмент найдешь?

– Обижает, начальник...

Турецкий тем временем прочитал заметку. Суть ее была в том, что вчера в девять утра в Питере был застрелен вице-губернатор, ехавший с супругой из дома на работу, в Смольный. Выстрелы раздались, когда машина в запрещенном месте поворачивала с улицы Рубинштейна на Невский. Сам Михайлов получил смертельные ранения в грудь и голову. Касательное ранение в голову получила и супруга вице-губернатора, сидевшая сзади. Шофер успел выскочить и удрать, поэтому, можно считать, отделался легким испугом. Киллер-профессионал, стрелявший с крыши дома напротив, в спешке бросил оружие – автомат Калашникова калибра 7,62 и скрылся. Возбуждено уголовное дело, создана оперативно-следственная бригада. У следствия уже нет сомнений, что убийство – заказное, а причиной его могло

быть то обстоятельство, что Михайлов, будучи еще префектом в Санкт-Петербурге, оказывал покровительство тамбовской преступной группировке, что, однако, ничем не подтверждается.

– Ну? – спросил Меркулов, увидев, что Саша закончил чтение и теперь размышляет.

Турецкий протянул записку Грязнову и пожал плечами:

– А какие могут быть вопросы? Все предельно ясно. Тебе-то что непонятно?

– Ну, во-первых, как ты прочитал, убийство совершено вчера утром, газета эта – сегодняшняя, а сводка ко мне поступила полтора часа назад. С уведомлением помощника президента. Как это тебе понравится?

– Не знаю, как вам, коллеги, – сказал Грязнов, – а вот мне не нравится фраза: «в спешке бросил оружие...» Профессионал не бросает, а оставляет. А так-то... Я с Саней согласен: раз уж корреспонденту все до изучения ясно, о чем тут говорить? Правда, лично мне ничего не ясно. Тамбовцев знаю. Мы их вместе с питерскими ребятами в девяностом практически почти прикрыли. Мы... Честно говоря, не столько мы, сколько питерцы, наши просто помогли в нужное время и в нужном месте. Кума тогда взяли, Кумарина. Только наше гуманное правосудие имело на этот счет свою точку зрения: пока то да се, присудили Куму «химию», и он вскоре вышел. И такая кровь полилась! Там татары взялись за тамбовских, казанская группировка. Самого Кума подстрелили, по-моему, чуть ли не в собственной квартире. Слышал, что лечили его тогда лучшие медицинские светила и у нас, и в Европе. Так вот, после девяносто пятого, это я точно знаю, группировка развалилась на несколько мелких групп, большинство из которых ушли в легальный бизнес. А одна группа даже охранное агентство организовала... Да, а с их оппонентами такая была история. В принципе война тамбовских и казанских закончилась в конце девяносто четвертого – начале девяносто пятого, когда взяли лидеров и тех и других. Но в апреле кто-то хорошо подставил татар: выдал руоповцев за конкурирующую группировку. А браткам много ли надо? Открыли огонь, убили старшего лейтенанта. Ну, РУОП и показал им в ответ. Ребята работали «по-жесткому», несколько сотен взяли, и те были счастливы, что попали в камеры живыми. На том бы и кончилось, но оживились связи татар в администрации известного вам питерского демократа, и снова пошло-поехало. Сейчас казанцы контролируют наркоту, игорный бизнес и несколько банков. Все, начальник, иссяк. Дайте горло промочить...

– Погоди, – перебил Турецкий. – Так ты считаешь, что если этот Михайлов, будучи префектом, оказывал содействие тамбовским, то убрать его могли казанцы?

– Я ничего не считаю, я вам изобразил общий фон, а деталями занимайтесь сами. Это не моя компетенция... Возможно, казанцы. Если судить по почерку. Тамбовские, насколько мне не изменяет память, с киллерами не связывались, они все делали сами. А тут заметен профессиональный почерк. Между прочим, наши, столичные, казанцы тоже приглашали наемных убийц, когда воевали с солнцевскими.

– Костя, а чего это ты на меня смотришь, как мусульманин на поросенка? Гадость какую-нибудь придумал? – Турецкий решительно придвинул к себе рюмки и стал разливать водку. – Славка, где наши пирожки? Я ведь не обедал!

– Пожалуй, тебе и поужинать сегодня толком не удастся, – с сожалением покачал головой Меркулов.

– Это по какой же причине? – вскинулся Турецкий.

– Так ведь в «Красной стреле» теперь только буфет. А тебе еще домой заскочить придется, Ирину с Нинкой поцеловать, чего ты давно не делал, одеться, чтоб выглядел не как босьяк, а как ответственный представитель Генпрокуратуры, прибывший по личному указанию генерального, понимаешь? Фактически как его помощник, готовящий материалы по оргпреступности.

– На хрена козе баян, Грязнов? Ну ты хоть скажи, что питерские парни – не чета нашим, сами не только работать умеют, но и нужные справки писать. Ты ж с ними пахал! Костя, если это очередная твоя подставка ради спасения чести и достоинства нашего «много обещающего» генерального правоохранителя, то я взбунтуюсь! Я сожгу города и мосты! И вообще, на фиг мне это нужно? Я устал. Мне все надоело. У меня старый брюзга-начальник, от одного вида которого хочется удавиться, а вовсе не топиться в какой-то там Неве. Что скажешь?

– Давайте выпьем, ребята, – ответил спокойно Меркулов, беря в руки рюмку и надкусывая холодный пирожок. – О, с капустой и яйцами! Сто лет не едал. Ну как в добрые старые времена – со здоровьем! Пей, Саня, нам и твое здоровье дорого. Ты ведь все понял, когда я тебе про поезд сказал?

– Ну?

– Так чего тогда невинную девочку разыгрываешь? Вячеслав тебя достаточно знает, да и я не поверю. Ты лучше вопросы задавай.

– А кто тут сказал, что я согласился? – удивился Турецкий. – Да, вот и Славка слышал, что ты про какой-то поезд говорил. Ну и что? А у меня, оказывается, со здоровьем плохо! Могу бюллетень представить. Ирка мне на прошлой неделе давление мерила – сто шестьдесят на сто. И думаю, с тех пор повысилось. И вообще, чего мой непосредственный шеф мышей не ловит? Пусть подберет тебе... соглядатая в Питер.

– Мне, Саня, сейчас нужен не кто-то из твоих коллег, которых порекомендует Казанский, можно подумать, что я и сам вас всех наперечет не знаю, а именно ты. Ну... есть такое указание. Понял? Там прокурором некто Маркашин. Семен Макарович. Ты его должен знать по эрмитажному делу – См.: Ф. Незнанский. «Опасное хобби». Значит, проще будет разговаривать. Пойми, нам обострения никак не нужны, а кто-то из администрации президента давит на генерального: видимо, этот Маркашин серьезно кому-то поперек горла встал. Перед звонком к тебе я имел беседу с нашим... – Меркулов показал пальцем в сторону кабинета генерального прокурора. – Твой вояж – это его инициатива. По указанию президента, так я склонен понимать.

– Так кого же слушать? И у кого получать указивки?

– У меня, – безапелляционно заявил Меркулов и протянул свою рюмку: – Разливайте, ребята, и валите отсюда. Вячеслав, не сочти за труд, проводи этого оратора и посади в вагон, чтоб не сбежал, как гоголевский женишок. А ты, Саня, приедешь в Питер, разберись, что там делается со следствием по Михайлову, и звони, получишь дальнейшие указания.

Когда закончили и минутку традиционно помолчали, ощущая приятное жжение от качественного зарубежного пойла, Меркулов, оправив обеими ладонями усы, критически оглядел стены своего кабинета, подмигнул коллегам и сказал:

– А не спуститься ли нам...

– В Столешники? – хором сказали Грязнов с Турецким и рассмеялись от такого согласия.

– Вот именно... – Меркулов обнял их за плечи и повернул к двери. – Оставь, – сказал Турецкому, который уже взялся за пустую бутылку, чтобы вынести ее из «конторы», – я еще вернусь и сам уберу.

Стало уже темнеть. Накрапывал дождь. И разговаривать на улице, а ведь именно за этим и вывел их Костя из здания, было довольно-таки неудобно.

– Слушайте, у меня машина, – сказал Грязнов, показывая на милицейский «жигуленок», которым он пользовался в личных целях. – Давайте подскочим в «Будапешт», это ж два шага, а там я гарантирую полную секретность, а?

– Не возражаю, – заявил Меркулов, – но за твой счет.

– Спасибо, добрый человек! – хмыкнул Слава.

– Так чего ты конкретно хочешь от меня? – спросил Турецкий, когда машина, ведомая Грязновым, тронулась.

– Это другой разговор, – довольно заметил Меркулов. – А то, понимаешь... Вот так, россияне!

– Костя, тебе президентский трон спать не дает? – наивно улыбнулся Саша.

– Нет, его помощники, – не принял шутки Меркулов. – А лично мне необходимо знать, *сui bono*?

– Так, – констатировал Турецкий, – мы перешли на латынь. Грязнов, это значит в чьих интересах. Или кому выгодно? Ты, надеюсь, не забыл наш замечательный юрфак?

– Кому выгодно – будет *sui prodest*. И не морочь головы старшим. Слушай, что тебе говорят, – не отрываясь от руля, ответил Слава. – Костя прав: именно *sui bono*.

– Благодарю за моральную поддержку, Вячеслав Иванович, – мимоходом заметил Меркулов. – Так вот, в чьих интересах подставить Маркашина? Кому мешал Михайлов? Вячеслав тебя уже отчасти просветил. А я, честно говоря, и сам не исключал возможности встречи с кем-либо из лидеров этих тамбовских, с тем, кто отошел от явного криминала. Кстати, хочу вам, ребята, сказать, что, кажется, наконец нам удастся утвердить новое положение об освобождении от ответственности лиц, помогающих следствию, в тех случаях, когда они сами могут быть привлечены к уголовной ответственности. Конечно, если Дума перестанет валять дурака и займется, в конце концов, делом. Так вот, Саня, тебе и это уже можно иметь в виду.

– Всего ничего, – хохотнул Турецкий. – Самая малость: надо просто узнать, кто застрелил вице-губернатора, кто изо всех сил подставляет петербургского прокурора и, наконец, по возможности назвать поименно заинтересованных лиц из президентской администрации, из нашей родной «конторы», а также из МВД, ФСБ, Службы спасения президента, в смысле его личной охраны, и... я кого-нибудь забыл, Костя?

– Правительство забыл, – спокойно напомнил Меркулов.

– Ага, точно. Но ведь придется искать от каждой правительственной группировки отдельно. Кого-то – от премьера, а кого-то и от вице-премьеров, причем от каждого из них в отдельности. Ну еще...

– А больше не надо, – успокоил Меркулов. – Справься с упомянутыми. И на все про все у тебя, друг мой, сроку – неделя. Больше дать не могу. Справку представишь генпрокурору. Первый помощник рассмотрит ее вместе с другими подобными материалами, – их готовят такие же, как ты, «ответственные товарищи». Все это обобщат, и наш генеральный выступит с речью. Так что уж постарайся выглядеть умнее других.

– Нет, Грязнов, ты теперь понял, почему я так дорожу своим местом и репутацией? Ну кому еще, только представь, может быть подобное доверено?

– А ты, между прочим, не фиглярничай, – обернулся с переднего сиденья Меркулов. – Ничего особенного. Обычная работа. Ты за нее оклад жалованья получаешь. За одно и голову постарайся не подставлять. Она у тебя, к слову, не такая уж дурная, как ты хочешь показать... Приехали, что ли? Смотри, как быстро! Вячеслав, посади нас так, чтобы мы могли поговорить недолго, но без опаски, а то этот тип действительно решит, что на нем свет клином сошелся...

– А разве не так? – ехидно спросил Турецкий.

– Перебьешься, – усмехнулся Меркулов и, сопя, полез из машины.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В КУПЕ СПАЛЬНОГО ВАГОНА

Поскольку решение по поводу Турецкого состоялось практически в конце рабочего дня, единственное, что успел сделать заботливый друг Меркулов, – это попридержать канцелярию, которая подготовила Александру Борисовичу соответствующие командировочные документы, а также обеспечить срочно отъезжавшего необходимым минимумом средств на дорогу и весьма сомнительную независимость.

Наобщавшись и покидая гостеприимный «Будапешт» в начале десятого – как раз, чтобы заскочить домой, собраться и рвануть на Ленинградский за билетом, командированный Турецкий вдруг вспомнил, что за разговорами забыли самое главное: как и на что ехать и жить. Нет, Костю вот так, запросто, не возьмешь: он, как бы между прочим, достал из кармана пакет и небрежно протянул Александру:

– Тут найдешь необходимое. К сожалению, сам понимаешь, Генпрокуратура пока не коммерческое предприятие, средствами особо не разбрасывается. Однако на первое время хватит, а дальше поможем. Но не шикуй!

Турецкий сунул нос в конверт и присвистнул – не разбежишься.

– Хоть парочку «лимонов» кинули? – осведомился он, прикидывая на глаз тощенькую стопку сотысячных бумажек с громким названием банковский билет России.

– По-моему, где-то в этих пределах. Вячеслав, – Меркулов постарался тут же переключить все внимание на Грязнова, – когда устроишь этого босяка в поезде и проследишь, чтобы он действительно уехал, перезвони мне для принятия дальнейших решений. А что касается тебя, голубь, – повернулся он к Турецкому, – то для своей же пользы постарайся устроиться без шика и лучше в какую-нибудь их служебную гостиницу – и дешевле, и спокойнее. Себя не афишируй. Да что я? Сам, что ли, не понимаешь?

Ирина, жена Турецкого, взбрыкнула, но, узрев личный автограф генерального прокурора на командировочном удостоверении – Меркулов мог бы и сам расписаться, но решил, видно, что генпрокурор для питерцев – «большой фасон», – лишь развела в театральном отчаянии руками и отправилась складывать в походную сумку выглаженные рубашки.

Потом был кабинет дежурного по вокзалу, достаточно почтительный взгляд в то же самое удостоверение и провокационный вопрос:

– Господин старший советник желает ехать в СВ? – Про чин он вычитал в удостоверении и решил хоть что-нибудь содрать с «высокого просителя» в пользу российских железных дорог. Отвечать в этой ситуации отрицательно – значило сильно унижить родное ведомство. К тому же и Грязнов двусмысленно хмыкал, наблюдая, как выкрутится Турецкий. А последнему было обидно: еще какие-то два с небольшим года назад за тот же самый билет платил обыкновенный четвертак, а сегодня – без малого полмиллиона. Ну четыреста тысяч – какая разница? Ладно, поехали.

Повезло сразу: в купе ехал один. Проводница – симпатичная бабенка, уже перешагнувшая бальзаковский рубеж и особого интереса не вызывавшая, – была не прочь пококетничать. Но она была скорее в Славкином вкусе, так что Александр Борисович не воспылал. Вообще Турецкий, почему-то оказываясь в последнее время, так сказать, в пикантных ситуациях, «прикидывал» страждущую даму на собственную жену. И получалось так: если она по разным параметрам казалась хуже Ирины, Турецкий отпускал ее с миром, если же лучше, что, увы, случалось нечасто, отдавался на волю случая. Правда, подобное происходило все реже и реже. Возраст? Давление? Или интерес падал? Наверное, всего понемножку.

Оставшись наедине с Грязновым, Турецкий тут же откупорил прихваченную на дорожку «смирновку», нашу, отечественную, с которой, если попадалась не подделка, та,

другая, у коей на конце две латинские "F", и рядом не стояла, плеснул в стаканы и поднял свой.

– За сохранение традиций! – Таков был тост. Первый и последний, потому что Грязнов хоть и всем начальникам начальник, а был сегодня еще за рулем. Что же касается старшего следователя по особо важным делам, то ему предстояла дорога... при известном желании даже в обществе. Нет, лучше спать. Однако уже выходя из вагона и покидая несколько осоловевшего друга, Вячеслав Иванович счел за нужное представиться кокетливой проводнице полным своим званием и намекнул, что за симпатичным пассажиром из третьего купе особый пригляд нужен: соседа желательно не подседелять, чайком крепеньким угощать и, может, компанию составить, чтобы ехать веселее. Все понимала смешливая женщина, ну прямо-таки настолько все, что Грязнов прерывисто вздохнул и посетовал, что сам поехать в Питер не может.

– А за чем же дело-то стало? – завлекательно удивилась она.

Не стал объяснять Грязнов, что загрустил он по молодости, когда можно было вдруг сорваться, увязаться за юбкой, а после докладывать начальству о необходимости проверить там «одного подозрительного типа». Ну и как? Проверил, оказался совсем посторонний, но так похож, зараза, что... и так далее. И самому приятно, и то же начальство не в претензии: не ошибается тот, кто ни черта не делает. Да, было, все было...

Проводница заглянула, когда публика наконец утихомирилась. Увидев, что пассажир, за которым пригляд требовался, даже пиджака не снял и о сне, похоже, не помышляет, принесла чайку, не отказалась и от рюмочки. А после разговор завела – легкий, ни к чему не обязывающий, просто за жизнь. Узнав, что Александр – важный следователь, тут же кинулась последние питерские новости выкладывать. Вот недавно директора порта застрелили, прямо, говорят, в собственном подъезде... А вчера, по радио слышала, нового вице-губернатора! Жуть берет! И вообще, где ж это видано, что после двенадцати на улицу не выходи? А как выйдешь, тогда страсть как боишься – либо прибьют, либо изнасилуют!

Действительно, сплошная жуть для симпатичной женщины. Но последнее она произнесла с таким внутренним волнением, что Турецкий усомнился в искренности ее страха. К месту и анекдот вспомнился, коим Александр не преминул поделиться с Олечкой – так звали проводницу.

Пошутили, посмеялись, Ольга поблескивала глазками, подергивала узкими плечиками. Но, заметив, что пассажир поддерживает болтовню уже больше из вежливости, мило забеспокоилась:

– Спать бы вам лечь, Александр Борисович, вид у вас усталый.

И ушла. Правда, хорошая, симпатичная женщина, подумал Турецкий, блаженно закрывая глаза. И как их Славка угадывает!

Проснулся, когда за окном только начало светать. Сколько ж проспал? О, седьмой час уже! Нормально для здорового мужика. Вышел в коридор – вагон еще не проснулся. Посмотрел в расписание: позади осталось, надо понимать, Чудово. Ну что ж, пока народ не начал шастать, можно спокойно побраться и вообще привести себя в божеский вид.

– Что не спите? Рано еще. – Обернувшись, увидел Ольгу, мокрым веником подметавшую ковровую дорожку.

– Да вроде выспался... а так просто валяться в койке как-то непривычно, – и усмехнулся, поняв, что сказал двусмысленность.

– Та-акой мужчина и не может себе дела найти? Ни за что не поверю, – хихикнула она.

– Ах, Ольга, Ольга! – деланно вздохнул Турецкий и почувствовал, что, во избежание окончательной потери лица, обязан немедленно почистить зубы, поскольку вчерашний густой «выхлоп», как выражаются водители, может привести в смятение традицион-

ную питерскую интеллигенцию... если таковая еще осталась. А с другой стороны – куда ей деться? Не все же стали братками!...

Через некоторое время Александр Борисович уже стоял с подстаканником в руке у окна в коридоре, наблюдая, как вместе с рассветом оживают придорожные деревеньки, полустанки, станции, куда бегают пригородные электрички, – Ушаки, Тосно, Саблино...

Сам собою возник в памяти вчерашний разговор. Они сидели за барьером, в углу ближайший занятый стол, из-за невеликого наплыва желающих, был в десятке метров, и говорить можно было без оглядываний по сторонам.

Костя рассказывал о дневном, весьма узком, совещании у генерального, который буквально только что отдал распоряжение о производстве служебного расследования по поводу очередной утечки оперативной информации о факте задержания убийц председателя Фонда инвалидов Афганистана. Самое неприятное заключалось в том, что подобные утечки не случайные. Они – результат целенаправленной работы криминалитета, щедро оплачивающего нужную информацию и зачастую сводящего на нет общие усилия правоохранительных органов. Пока власти обсуждают вопросы необходимости своевременного усиления дальнейшей борьбы с оргпреступностью, последняя практически всем цивилизованным миром рассматривается – с ужасом – как альтернатива государственной власти в России.

Конечно, ничего нового на совещании сказано не было, просто появилась некоторая официальная определенность. Да, видно, еще до генерального, кажется, дошло, что его постоянные обещания быстрых и решительных действий, похоже, не удовлетворяют первых лиц в государстве. А раз так, то возможны и некие неожиданные, а порой и непредсказуемые действия с их стороны, направленные на так называемое традиционное «дальнейшее улучшение и усиление». Что бывает в результате, всем достаточно хорошо известно. И как обычно, первыми полетят именно те головы, которые хоть что-то понимают в деле. Так было, так есть и так будет. Грустно, господа...

– Как интересно, – заметил Турецкий, – вот уж не подумал бы, что именно мне предложат роль одного из спасителей авторитета Генпрокуратуры.

– С чего ты взял? – хмыкнул Меркулов. – Из тебя мессия, как...

– Ну чего ж ты? Продолжай, начальник! – не обиделся Турецкий на возможное сравнение. – Скажем, как из дерьма – пуля, подойдет?

– Нет, я о тебе более высокого мнения. И это – не комплимент. Просто, Саша, из нашего большого и, как было принято еще недавно гордо произносить, дружного коллектива я могу сегодня выделить весьма немногих, кому полностью доверяю. Ты – среди них. И эта моя вера известна, как я понял, нашему президенту. Мне лично нравится такая ситуация. Ты еще относительно молод, четыре десятка – не Бог весть какой возраст, значит, имеешь перспективу. Сегодня ты работаешь на время, понимаешь? Но настанет момент, когда время станет активно работать на тебя. И я хочу этого дожидаться. Поэтому спасителя изображать из себя не надо, а вот помочь понять им (Костя поднял указательный палец к потолку) ху из ху – вот такая задачка, она для умных. Радуйся, что выбор пал и на тебя. Думаю, что если события станут развиваться по уже известным схемам, нам придется создавать службу безопасности, подобную тем, что уже имеют ФСБ, МВД, внешняя разведка и некоторые другие структуры.

– Ну, в этом смысле те же «крестные отцы» нас давно опередили.

– Поглядим, поглядим, – с непонятной таинственностью пробормотал Меркулов. – И последнее, как информация к размышлению. Ровно через двадцать минут после окончания совещания мне позвонил один из твоих, – он кивнул на Грязнова, – министерских начальников, неважно кто, и сказал буквально следующее: ну что, решили наконец, как бороться с утечками? Может, нас, грешных, просветите? Каково? А ведь сидевших у генерального за столом я могу пересчитать по пальцам двух рук.

– А что в этом удивительного? Недаром немцы говорят: знают двое, знает и свинья. Ищи свинью, Костя, которую вам, наверху, кто-то очень ловко подложил.

По вагону прошла Ольга, задела плечом Турецкого, обернулась, подмигнула по-свойски:

– Нормальный вид. Может, еще чайку налить?

– Спасибо, голубушка, – неожиданно для себя с меркуловской интонацией сказал Александр Борисович. Он не собирался копировать шефа, получилось само собой, но реакция была неожиданной: веселость, разбитную игривость проводницы как языком слизнуло. Она вдруг погрустнела, как-то неловко, стеснительно на миг прижалась к его плечу и вздохнула:

– Ох, родненький мой... ничего, обойдется...

Вот так, бывало, маленькая Нинка – подойдет, поглядит исподлобья и ткнется головой в грудь: это она к папуле с лаской тянется. Теперь уже редко так бывает, нет у папы выходных...

Чертов Костя! Ведь так вот, дуриком, и сам в деда превратишься! И будут девушки тебя понимать, но уже не в том смысле, что прежде. И если иная и припадет к твоей груди, то уж вовсе не для того, чтобы разбудить шальной блеск в глазах, а вот эдак – посочувствовать и, может, пожалеть. Женщины вообще чутко чувствуют, когда у мужика в душе не порядок. И ничем, никакой внешней беззаботностью этого не замаскируешь. А вот у того же Кости – при всех его великих сложностях и в «конторе», и по части здоровья – у него – стабильность. И эта его возрастающая вальяжность, его неубывающая человеческая добротность – она тоже от стабильности. Семейной, нравственной...

Ну вот, всплыл Костя и опять понеслось:

– Нам, ребята, необходима стабильность, а на сегодняшний день гарантом ее является только один человек – президент. К сожалению или к огорчению, как хотите, но альтернативы ему я пока не вижу. Пусть многое мне не нравится, да и не только мне, пусть и такое случается, что ни в какие ворота, но мы ведь не можем без конца призывать мужиков к топору! Дети не простят... если останутся живы. Поэтому давайте не будем зубоскалить без дела, а будем стараться понять, терпеть, отсекал от него тех мерзавцев, которые умеют только хватать, тащить, кланчить, красть, грабить, унижать, понимаешь, позорить...

– Ага, – без тени улыбки заметил Грязнов, – я тут как раз слышал днями, какой-то остряк придумал: президент у нас, говорит, как зубной врач, который все время уверяет пациента – потерпите, скоро будет лучше. Костя, а может, кто посоветует этому доброму доктору Айболиту, что уговаривать вредно? А больные зубы надо выдирать и потом вставлять хорошие искусственные. Тому же пациенту легче.

Ах, как надулся и покраснел Меркулов! Скажи это Александр, он бы просто отмахнулся, зная, что Турецкого хлебом не корми, дай чушь какую-нибудь ввернуть, из гадского чувства противоречия, разумеется. Но – Вячеслав? Верный и честный Грязнов?

Турецкий ринулся гасить едва вспыхнувший пожар:

– Ладно, господа начальники, это все эмоции, подогретые водкой и коньячком, на который расщедрился Вячеслав Иванович. Конечно, Костя прав, хотя от его правоты вовсе не легче. Давайте я уеду, а вы потом, в соответствующей обстановке, спорите, каким следует быть президенту. Меня же беспокоит только один вопрос, и ответить на него должен Меркулов. На хрена я все-таки должен ехать в Санкт-Петербург?

– Ты чего? – оторопел Костя. – Это же значит, что я целый час говорил с пустотой? Опять придуриваешься?

– Нет, – рассмеялся Турецкий, – я хочу, чтоб ты сперва сам для себя уяснил следующее. Как я тебя понял, кто-то из президентской администрации катит большую бочку на Маркашина. Давят и на нашего. Но ведь в Питере, если мне память не изменяет, по-моему, уже второй год, или больше, работает оперативно-следственная бригада из нашей «конторы» и

никак не может выдать хоть какие-то результаты. Это – о коррупции в бывшем руководстве города, так? Зачем же туда направлять дополнительные силы в моем лице? Проще, Костя, поручить бригаде описать картину криминального разгула в городе и окрестностях и, обобщив, прислать сюда.

– Не проще, – возразил Меркулов. – На нас усиленно давят, чтобы мы нашли способ прекратить дело о коррупции и убрали из Питера прокурора. Они говорят, что он – красно-коричневый. А я знаю, что он – настоящий профессионал. И политические игры в данном вопросе меня совсем не устраивают. А теперь еще Михайлов, вице-губернатор! Подозреваю, что это все звенья одной цепи. Ты сам уточнишь, что к чему, и привезешь свои выводы. Не исключаю, что от них может зависеть судьба кое-кого из президентского окружения. Вот в общих чертах все. Я не сказал тебе ничего нового.

– Есть такой хороший анекдот, Костя, про школьного учителя. Он так долго объяснял ученикам какую-то теорему, что неожиданно и сам понял. Это я и про тебя тоже. То есть в данном случае я наконец начинаю различать в тумане общих соображений некие черты собственной задачи. А вот если бы ты еще раз повторил ее условия, я бы...

– Иди к черту. Вон посмотри, даже Вячеславу давно все ясно.

– Это точно! – Грязнов с улыбкой оглядел друзей. – А тебе, Саня, когда приедешь и как-нибудь вечерком позвонишь мне, я дам парочку наводок на бывших тамбовцев, из тех, что полностью легализовались. Наверняка пригодятся. Только ты помнишь мои условия?

– А как же! Своих не подставляем...

Турецкий смотрел в окно, за которым наконец пошли окраины города – трубы, дымы, помойки на обочинах. Обычный пейзаж российского пригорода. Интересно, на подъезде, скажем, к Парижу такое же безобразие? Не подъезжал туда Александр Борисович, а спросить у знающих людей как-то не удосужился. Да Бог с ним, с Парижем! Кто встретит – вот вопрос. Наверняка, если Костя дозвонился, как обещал, подойдет кто-то из бригады, из своих.

Когда поезд подкатил к перрону, Турецкий взял свою сумку и отправился в тамбур. У открытой двери стояла затянута в синюю форму Ольга.

– Ну, подруга, – весело сказал ей, – дай чмокну в щечку за характер твой легкий и чай крепкий!

Она подмигнула так, будто был у них огромный секрет, и подставила щеку:

– Гора с горой не сходятся... верно?

– Еще как! Духи у тебя хорошие, запомню...

ТЯЖКАЯ ДОЛЯ ПОСЛАННИКА

Сказать, что Турецкий удивился, – значит, ничего не сказать. Ему навстречу важно шествовал Маркашин. Александр Борисович на короткое время даже усомнился, точно ли это Семен Макарович. Не виделись два года, с тех пор как «важняк» приезжал в Питер по факту хищения рисунков и графики из дрезденской коллекции, расквартированной в фондах Эрмитажа. Семен, тогда еще заместитель городского прокурора, помнится, помогал с транспортом и проживанием. И вообще казался приятным малым, правда, больше всего беспокоившимся за репутацию питерской прокуратуры. Патриотизм! А куда ты от него денешься? Но тогда был Маркашин вроде бы постройней, что ли. А может, это вовсе и не он? Но сомнение длилось недолго.

– Ну ты только посмотри! – остановился Маркашин и развел руки в стороны. – Ну совершенно не изменился! Такой же длинный!

– Но, попрошу отметить, – с ходу включился в неведомую ему пока игру Александр, – не такой важный.

– Э-э, – поспешил возразить Маркашин, – ну будет скромничать! К нам без пяти минут генералы по пустякам не ездят. Важный, важный! – Тон был как бы выжидательный и одновременно чуточку снисходительный. Мол, вы как бы инспектируете, а мы делаем вид, что нам эта ваша инспекция ой как необходима. Но сам зачем-то приехал на вокзал. Мог бы и водителя подослать. Значит, чего-то надо. Причем сразу и желательно конфиденциально.

– Интересные у вас, оказывается, сведения! Где еще о себе приятное узнаешь!

– Это все вещи? – переменял тему Маркашин. – Чего так мало? Или ненадолго?

Турецкий почувствовал, что прокурор старательно избегает местоимений. То ли еще не решил, как говорить – «ты» или «вы», то ли ждет встречного шага. А ведь были на «ты».

Александр Борисович потряс сумкой, демонстрируя ее легкость:

– Джентльменский командировочный набор: презерватив да зубная щетка.

Маркашин басисто рассмеялся:

– Нет, точно не изменился! Хочешь спросить, чего я сам приехал?

– Небось Костя позвонил? – высказал твердую уверенность Турецкий.

– Да, Константин Дмитриевич, – мягко поправил Маркашин. – Он сказал, что у тебя дело, не нуждающееся в огласке. И попросил всячески содействовать. Все остальное, как было добавлено, при встрече. Вот я и подумал, что нарочитая официальщина может только навредить. У нас, как известно, вот уже два года «пашет» бригада Генпрокуратуры. Ну... разговор об их деятельности – не здесь и не второпях. Отдельный разговор, если появится нужда...

Основная масса приехавших уже прошла на выход, и по перрону Маркашин с Турецким шли в одиночестве, что не мешало им вести непринужденную беседу.

– Сам пойми, Александр Борисович, что бы первым делом пришло тебе в голову, если бы ты узнал: «к нам едет ревизор», а на тебя постоянно пишут доносы и требуют убрать подальше этого сукина сына, затаившегося коммуняку?

– Ну, во-первых, я ни от кого не получал жандармских полномочий. Это так, к сведению. А во-вторых, Костя сказал мне: вы с Семеном знакомы, значит, легче будет достичь взаимопонимания. И наконец, в-третьих. Сказал, что Маркашин – профессионал и никакие политические игры прокуратуру не устроят. Может, я сказал больше, чем следовало бы, но я подумал сейчас, что ты поступил правильно. А теперь давай займемся делом. Да, и еще. То, что ты меня встретил и за что я искренне тебе благодарен, вероятно, уже известно некоторым, скажем так, оппонентам. Вот в этой связи давай, Семен Макарович, сохраним наше с тобой «ты» для внутреннего пользования. Кстати, не исключено, что поводом для «реви-

зора», как ты говоришь, послужило убийство вашего вице-губернатора и ссылка в печати на какие-то непроверенные его связи с тамбовской ОПГ. Видимо, в этом вопросе мне придется с ходу войти в курс расследования.

– Не проблема. Хотя, по-моему, нарыли сыскари не очень много.

– Что же до дела о коррупции, которое наши москвичи ведут ни шатко ни валко, то мы не будем пока демонстрировать наш пристальный интерес. Там ведь Пименов – руководитель?

– Он. И все-таки сумел арестовать и отправить в столицу «мэрскую четверку» сотрудников, как их тут кое-кто называет, ну, работников бывшей мэрии, которым предъявлены обвинения во взяточничестве и злоупотреблении служебным положением.

– А чего тут, у себя в «Крестах», не оставили? «Замочили» бы?

– Без всякого сомнения. Более того, у меня давно создалось впечатление, что Пименов ведет следствие вопреки чьей-то воле. Медленно, но все же ведет. Что ж это за воля-то такая? – вздохнул Маркашин и замолчал в ожидании ответа.

Ну да, как же! Вот сейчас откроет рот Александр Борисович да выложит ему всю диспозицию! И про президента, и про его сильно «заинтересованное» в прекращении дела окружение...

Они прошли гулким вокзалом, выбрались на площадь к служебной стоянке машин. Маркашин подвел Турецкого к черной «Волге» с торчащими пиками радиотелефонных устройств.

– Куда поедет, Александр Борисович? Может, сразу в представительство Генпрокуратуры? Или сперва в гостиницу? Где собираетесь остановиться? – Тон Маркашина был сухо-официальный. Понятное дело, чтобы водитель не заподозрил личных отношений. Хотя сам факт приезда прокурора на вокзал умному человеку подсказал бы многое.

– А у вас как в настоящий момент со временем, Семен Макарович?

Маркашин посмотрел на часы, что-то прикинул.

– Если необходима моя помощь?...

– Я бы хотел сразу подскочить на место покушения. Чтоб составить представление для себя. Можно организовать?

– Разумеется, садитесь в машину.

Турецкий сел сзади, Маркашин устроился рядом с водителем и взялся за трубку. Пока Александр и шофер Бронислав, Броня, как он представился, познакомились, прокурор дозволился до некоего Петра Григорьевича и предложил тому срочно подъехать на Невский, именно на то самое место, и материалы прихватить, основные, все не надо, это позже. Обернувшись, сообщил, что Щербина – толковый работник, ему поручил Маркашин ввести гостя в курс следствия. Сам прокурор займется делами, а позже ждет Александра Борисовича у себя в прокуратуре. Тогда и все остальное решится. Нет возражений? Очень хорошо.

Когда подъехали к повороту на улицу, где произошло убийство вице-губернатора, там уже находилась машина со Щербиной. Прокурор представил следователей друг другу, сел в «Волгу» и уехал.

– Значит, коллега? – улыбнулся Турецкий. – «Важняк»?

– Точно так, – хмуровато отозвался вполне молодой еще человек.

– Если не возражаете, давайте договоримся, Петр Григорьевич, я приехал не учить вас и не собираюсь мешать работе. Просто у нашего общего высокого начальства обнаружилось некоторые соображения, которые и вам будет, вероятно, бесполезно знать при расследовании дела.

– Хорошо, – кивнул Щербина. – Между прочим, сумку можете кинуть в машину, – он показал на своего «жигуленка»...

В течение следующего часа следователь очень сжато и толково рассказал Турецкому про все обстоятельства происшествия. Показал место, где остановилась машина, когда киллер начал стрелять. У бортика тротуара что-то блеснуло. Турецкий нагнулся и поднял маленький осколок лобового стекла, подержал на ладони. Щербина тут же стал объяснять, куда попали пули стрелка, пробившие стекло и крышу машины. Сама машина в настоящий момент находилась в спецгараже УВД, супруга погибшего пока в больнице, но не касательная рана тому виной, точнее, не столько она, сколько шоковое состояние, в которое впала женщина. Водитель удрал, но его быстро нашли и допросили. Испугался, хоть и назывался, помимо всего прочего, телохранителем. Но в него никто и не стрелял. Практически все дырки на крыше в том месте, где сидел Михайлов. С шофера взята подписка о невыезде. Здесь вообще много неясностей. Главного свидетеля, супругу, допросить пока нет возможности. А шофер-телохранитель? Либо сам участник исполнения заказа, либо всеми обстоятельствами дела его очень ловко подставляют.

Турецкий предложил обсудить эту сторону вопроса несколько позже, а пока решил осмотреть место, где находился киллер.

Перешли через улицу, поднялись на пятый этаж старого петербургского дома, через пожарный люк и слуховое окно выбрались на крышу. Бортик ее, выполненный в стиле крепостной стены с бойницами, был чрезвычайно удобен для убийцы – закрывал его с улицы и одновременно представлял хороший упор для ствола.

– Был, конечно, с глушителем? – спросил Турецкий.

– Да, девять гильз. «Калашников» – сто третий, калибра семь шестьдесят два. Восемь пуль в грудь и шею. Девятая задела супругу. То есть все положил точно. Оружие проверяем.

– Умелец. Тут другого выхода нет? С крыши, я имею в виду?

– Нет, одна лестница и подъезд.

– Отлично. Оружия он не взял, потому что не идиот. Но его видели. Так или ошибаюсь? А на стволе номера наверняка спилены. Ну?

– Не ошибаетесь. – Впервые легкая улыбка скользнула по губам Щербины. – Но тут начинается самое странное.

– Вот это очень интересно! – словно обрадовался Турецкий. – Пошли вниз, холодно тут. Поговорим в машине. Вы курите?

– Да.

– Вот и отлично!

«Странное», по словам следователя, точнее, по показаниям шофера убитого, началось с раннего утра. Михайлов дважды звонил Сергею, так зовут водителя, и назначал новое время, когда тот должен был подъехать к его дому. Сперва к половине восьмого, через полчаса, буквально перед выездом, велел прибыть на час позже. Изменились планы, и он собирался заехать сперва в мэрию, в Смольный, а оттуда сразу – в представительство Генпрокуратуры. После чего Сергей должен был завезти Веронику Моисеевну в Эрмитаж, где та работала.

Уже первая проверка не подтвердила факта назначенной встречи Михайлова с кем-то из оперативно-следственной бригады москвичей: никто о ней не знал. Далее. Маршрут поездки не совпадал с каждодневными – зачем-то он велел ехать по улице Рубинштейна и выезжать на проспект в запрещенном для поворота месте. То ли он что-то знал и хотел запутать преследователей, явно нарушая правила, то ли, напротив, его вела чья-то опытная рука. О первом могла бы рассказать жена Михайлова, но она, как было сказано, не вышла из шока, о втором же – водитель Сергей Новиков, но... он уверяет, что ничего к уже известному добавить не может. Разве что такой вот факт: супруги, вероятно, были в ссоре, потому что, выходя из подъезда, о чем-то довольно резко спорили, а после, уже в машине, не разговаривали, как обычно, обсуждая дневные планы. Вероника была красная от злости, что при ее

могучем телосложении создавало портрет этакой фурии. Василий же Ильич был холоден и, судя по всему, непреклонен.

Наконец, последнее. Самое, пожалуй, важное. При выезде на проспект, там, где нет поворота налево, Сергей вдруг увидел буквально перед самым радиатором своего «вольво» странно растерянную фигуру довольно высокого мужика, плотного такого, в сине-зеленом пиджаке, который будто не решался, в какую сторону ему кинуться из-под наезжающей машины. Сергей, естественно, резко затормозил, мужик тут же исчез из поля зрения, а по крыше автомашины резко застучало, будто каменный град, и следом – истошный крик с заднего сиденья, а перед носом будто вспухло и мгновенно рассыпалось стекло. Водитель среагировал однозначно: мигом забыв, что он еще и телохранитель, так, во всяком случае, объяснил он свое поведение, он вышиб дверцу и выкатился из машины. Даже не понимая, что делает. А когда у него наконец появилась возможность соображать, что же произошло, был уже далеко от места трагедии. Взяли его дома – он не сопротивлялся, только повторял, что лишился способности вообще что-то делать в тот момент, когда увидел, как на груди хозяина вдруг вскинулись фонтанчики. А окончательно добил его истошный крик за спиной.

Все это было бы легко объяснимо, если бы речь шла о новичке, неопытном человеке, а не тренированном телохранителе, прошедшем определенную школу.

Впрочем, что это за школа, еще предстоит выяснить, пока же стало известно лишь одно: Новиков короткое время находился в Приднестровье. Значит, должен был бы иметь какой-никакой боевой опыт. На допросе шофер-телохранитель утверждал, что именно по этой причине и был взят Михайловым, хотя тот вообще-то предпочитал не пользоваться предоставленной ему охраной. В отличие от своей супруги, которая обожала, когда за их правительственной «вольво» следует джип с сиреной. И еще одна деталь. Частное охранное предприятие «Марс», откуда пришел на работу к Михайлову Сергей Новиков, приказало долго жить еще в конце девяносто четвертого года. И сегодня отыскать его концы практически не представлялось возможным. В префектуре был обнаружен лишь документ о его регистрации.

Слушая сообщение Щербины, Турецкий не мог отделаться от ощущения, что нечто подобное уже слышал. Но где и от кого? Он не стал напрягать память, понимая, что информация уложится в голову, а затем обязательно возникнет и хороший гарнир к ней, то бишь все сопутствующее. И действительно, всплыло: Грязнов же вчера говорил, что кто-то из тамбовцев открыл, легализуясь, охранное агентство. Конечно, подобная информация нуждалась в проверке, но если во всех этих делах вдруг проклюнется какая-нибудь связь, может получиться весьма любопытная картина. Пока же Турецкий решил не торопить события и сначала созвониться с Грязновым.

И вторая деталь возникла из прошлого. Супругу покойного, если Александр правильно запомнил, зовут Вероникой Моисеевной и работает она в Эрмитаже. Огромная дама эта еще два года назад рвалась принять активное участие в устройстве мимолетной судьбы Турецкого в Питере, и едва не преуспела. Неужели это она? Вот же как тесен-то мир! Но, кажется, в ту пору она была незамужем. Или вид делала? Надо будет уточнить, чтобы случайно не попасть впросак. Да, вспоминал Турецкий, громкая женщина, этакая кариатида. А чем, в конце концов, черт не шутит? Может, удастся, в память, так сказать, прежнего знакомства, расколоть «девушку»?... Отчего ссора произошла? Кого боялся ее муж? Наверняка боялся, однако, как ни крутил, вышел прямо на охотника. Нет, не может такая дама, как Вероника, не быть в курсе мужниных дел. Хотя бы основных.

– А чем он вообще-то у вас в городе занимался? – кажется, не очень вежливо перебил Турецкий Щербину, продолжавшего своей рассказ о покушении.

– Кто, Василий Ильич?

– Он, разумеется.

– О! Большой человек! Главный, можно сказать, приватизатор.

– Понятно. Значит, от него могло очень многое зависеть? Я имею в виду в плане передачи госсобственности в частные руки.

– Ну а как же! Это ж Комитет по управлению городским имуществом! Самый жирный кусок.

– Ну вот, – усмехнулся Турецкий, – а говорите, что не знаете, где искать заказчика! А может, даже не одного.

– Эта версия сейчас активно прорабатывается. Подняты материалы всех аукционов, проводившихся с ведома Михайлова, тщательно изучаются все заявки и решения по этому поводу комитета. Мы в нашей бригаде, вообще говоря, с самого начала предположили, что причиной этого, явно заказного, убийства может быть сильное ущемление чьего-то экономического интереса.

– Полностью с вами согласен. Думаю, что, работая в этом направлении, вы сможете добиться значительных результатов. Извините, я перебил вас. Значит, вы говорили, что имеются свидетели?...

– Точно так, – почти по-военному отвечивал Щербина. Он вообще, как заметил Турецкий, предпочитал выражаться лаконично и только по делу, почти не допуская собственных эмоций. Явный такой сухарь. – Может показаться странным, что в подобных критических ситуациях наиболее трезвую голову сохраняют женщины. В смысле больше замечают подробностей, казалось бы, несущественных деталей и так далее. Вот и в нашем случае нашлась некто Кириллина, пожилая дама, волею случая оказавшаяся свидетельницей покушения. Несколько позже, когда примчались оперы и площадь вокруг расстрелянной машины была оцеплена, а жертвы увезены, эта самая Кириллина подошла к одному из патрульных, помогавших нам, и сообщила, что, по ее разумению, она видела возможного убийцу и сумеет описать его внешность. Тот – немедленно ее к нам, и мы услышали от нее следующее...

Анна Сергеевна без всякого пиетета относилась к автомобильному транспорту, особенно к новомодным иностранным машинам, запрудившим некогда спокойный Невский. А эти «новые» гоняют где хотят и как хотят, потому и самих беда на каждом шагу подстерегает, и людям одни огорчения несут. И это твердое ее убеждение, что от машин добра не жди, нашло буквальное подтверждение. Вот и сегодня, едва она собралась спокойно переходить улицу, твердо зная, что машины здесь не выезжают, как увидела несущийся прямо на нее огромный темно-синий автомобиль. Она вернулась на тротуар, укоряя себя за беспечность, едва ли не приведшую к очень серьезным последствиям. И тут же, даже как-то толкнув ее, вперед выскочил мужчина. Был он без плаща, хотя погода довольно прохладная, и в очень ярком, странного цвета пиджаке – что-то очень пестрое, синее, зеленое. Он рисковал попасть под колеса. Но шофер сразу затормозил, и этот высокий, крупный такой гражданин перебежал через улицу и пропал. А когда он исчез, ну секунду спустя, по машине будто кто-то заколотил палкой. Очень неприятно было видеть, как стекло рассыпалось. Народу было не очень много, но все почему-то громко закричали, кинулись сперва от машины, потом обратно к ней, распахнули дверцу, а там... Страшно рассказывать – человек, а вся его грудь, шея – в крови. Анна Сергеевна терпеть не могла вида крови и поэтому с ужасом отвернулась. И даже отошла немного в сторону, расталкивая набежавших зевак. Случайно взглянула на противоположную сторону улицы и сперва даже не обратила внимания на то, что из подъезда пятиэтажного дома спокойно вышел стройный, длинноволосый молодой человек. Лицо такое продолговатое и сильно загорелое, какое бывает у восточных людей. Он посмотрел на толпу у машины и даже шага не сделал, чтобы выяснить, что произошло, почему крик такой. Спокойно отвернулся и ушел в сторону Московского вокзала. Позже, когда понаехала милиция, Анна Сергеевна, которую мучила какая-то неясная мысль, неожиданно подумала, что тот молодой человек не проявил никакого интереса, наверное, потому, что знал все сам...

– Между прочим, этот длинноволосый тип, – сказал в заключение Щербина, – по свидетельству Кириллиной, отправился в ту же сторону, куда убежал едва не пострадавший гражданин в сине-зеленом пиджаке. Его действительно странное поведение, какие-то прыжки, если верить свидетельнице, перед машиной Михайлова могут быть рассмотрены как удавшаяся попытка остановить автомобиль.

– Я тоже так подумал, – кивнул Турецкий. – Очень похоже, что киллеры работали вдвоем: один как бы фиксировал машину, второй производил достаточно прицельные выстрелы. Но в любом случае они должны были знать маршрут Михайлова. А он, по словам водителя, менялся. Так как же нам быть в этом случае?

– Можно предположить, – высказал сразу, как уже сложившееся мнение, Щербина, – что их было не двое, а, как минимум, трое. За Михайловым, если уже было принято решение о его... ликвидации, несложно было установить слежку. Пустить следом опытного водителя, который бы фиксировал каждый шаг вице-губернатора. Тем более что от охранного джипа Михайлов по неизвестной нам причине категорически отказывался. Обходился, как видим, одним Новиковым.

– Роль которого... – начал Турецкий и с ожиданием посмотрел в глаза следователю. – Ну? Не стесняйтесь, Петр Григорьевич, выдать даже заведомо фантастическую версию. Отбросить всегда легче, поверьте моему опыту. А в нашем случае, мне представляется, это может оказаться не такой уж и фантазией. Впрочем, по данному вопросу я сам наведу кое-какие справки и немедленно сообщу о результатах. Как вам с Маркашиным работается? – спросил без всякого перехода.

– Это важно? – спокойно поинтересовался Щербина. – Я должен отвечать?

– Мне бы просто хотелось услышать ваше мнение. Я ведь знаком с Семеном Макаровичем. Но по службе как-то не сталкивались.

– Позвольте и мне задать вам вопрос, Александр Борисович?

– Сделайте одолжение, – несколько принужденно рассмеялся Турецкий. – Мы прямо как на официальном приеме! Позвольте? Прошу! Так, слушаю вас.

– Вы прибыли сюда по делу об убийстве Михайлова? Или какие-то иные, возможно, административные задачи?

– Ах, вон вы о чем! А что беспокоит-то? Какие проблемы?

– Подумалось, если по Михайлову, то вроде рановато бы. По другому делу, как вы, вероятно, наслышаны, ваша же собственная бригада второй год изображает из себя посольство иностранной державы... А потому среди наших ходят упорные слухи, что Семен Макарович кому-то перешел дорогу. И вот ваш вопрос...

– Это Пименов-то посол? – удивился Турецкий. – Вот уж не ожидал от него такой прыти. Обычно тихий, слова не вытянешь. А они что, здорово вам мешают?

– Не в этом дело... – Видно было, как что-то мешает Щербине быть с московским «важняком» искренним до конца. Четко и даже зримо рассказывавший об обстоятельствах дела, теперь он мялся, словно подбирал слова и не находил нужные. – Они раскручивают несомненно очень важное и, казалось бы, глухое дело. Медленно, правда, но ведь им же никто и не помогает.

– А вы чего же?

– Что вы, Александр Борисович, – усмехнулся Щербина, – в нашем деле самостоятельность – вещь непозволительная. Ну так вот, они работают, а вокруг нас, петербуржцев, создается этакая невидимая, но достаточно ощутимая аура, своеобразная такая атмосфера: что ж вы, мол, братцы? Люди делом занимаются, а вы? Ну и прочее в том же духе. Согласитесь, не самое приятное ощущение.

– Охотно соглашаюсь. Значит, прежде всего чувство обиды, так?

– Есть. Отчасти. А теперь очередное убийство, и из Москвы к нам едет...

– Ревизор, – подхватил Александр Борисович и засмеялся. – Уже слышал сегодня. Не, не проходит. Готовим очередное судьбоносное совещание всех правоохранительных структур по поводу чересчур расшалившегося в последнее время криминалитета. Считайте, что нужна справка о состоянии и тому подобном. Да и ваше конкретное дело вызывает неподдельный интерес на Олимпе, поэтому велено разобраться и включить в отчет. Остальное лично к вам отношения не имеет, можете спать спокойно.

– Ну вот, видите! – обиделся Щербина.

– Это шутка, не принимайте всерьез. Вы мне рассказали много интересного. Если не возражаете, давайте теперь подъедем к вам и я посмотрю дело. Вы руководите бригадой?

– Практически я, хотя в бригаде достаточно высокие чины из управлений Федеральной службы безопасности и внутренних дел. Советуемся. Помогают, как уж выходит.

– Мешать я вам не хочу, просто есть некоторые соображения, которыми готов поделиться. Чуть позже. Мне еще сегодня предстоит заняться устройством жилья. Что бы вы посоветовали?

– Ну, раз вы так ставите вопрос, значит, проблема с гостиницами отпадает. У нас имеется неплохая собственная гостиничка, но ее оккупировали...

– Понял, иноземцы из Генеральной прокуратуры. А отдельного уголка с койкой в вашем ведомстве не имеется? Мне ненадолго, максимум неделька.

– А чем же вам свои могут помешать? – удивился Щербина.

– А станут подобные же вопросы задавать: чего приехал? Кого с работы снимать? Кого отстранять? А на фига, извините, мне тратить время на ненужные объяснения? Пусть лучше занимаются своими делами. Ну так как?

– Вообще-то у Семена Макаровича есть еще... Но это как он сам решит.

– Вот и отлично!

Щербина тяжело и как-то безутешно вздохнул:

– Все у вас отлично... Живут же люди!...

– А кто вам мешает? Кстати, про Маркашина вы мне так и не ответили, Петр Григорьевич... эх вы, коллеги!

ОТКРОВЕНИЕ БЫВШЕГО ВОРА В ЗАКОНЕ

Вечером Турецкий звонил Грязнову на Петровку.

Помещение, в котором он обретался, Александру понравилось: хорошая трехкомнатная квартира с высокими потолками в старом петербургском доме на канале Грибоедова. Из окна – прекрасный вид на храм Спаса на крови, чем-то очень московского, похожего на Василия Блаженного. Вполне приличная кухня с холодильником, куда можно было насовать необходимых продуктов, – что нужно холостому мужчине? Самую малость.

Квартира эта оказалась как бы резервом питерской прокуратуры на случай... Впрочем, мало ли в нашей жизни таких случаев, когда нужно поговорить, встретиться с хорошим, или не очень, человеком, о котором другим знать не обязательно. «Конспиративная, что ли?» – схохмил Турецкий, когда Семен Макарович привез его сюда и вручил ключи от входной двери. «Да какая у нас может быть конспирация! – отмахнулся Маркашин. – Вот гости вроде тебя наезжают...» «Ну да, – подхватил „важняк“, – а „Астория“ им не по карману!» – «А я о чем?» Вот так и поговорили. Семен Макарович обещал вечером, попозже, заглянуть на огонек. Если, конечно, гость не станет возражать. Эта классическая петербургская вежливость восхищала. Нет, гость будет рад видеть хозяина... Раскланялись и расстались.

Вообще – то поесть надо бы. То, чем перекусил в буфете прокуратуры, едва улеглось на несытый вчерашний ужин с соответствующей поддачей и утренний чай в поезде. Но Турецкий решил, что Маркашин в первый же день и сам что-нибудь организует. Раз уж ты такой вежливый, так будь им до конца.

Дело об убийстве он успел просмотреть еще днем, но, покидая прокуратуру, решил захватить копии и еще раз внимательно проработать. Маркашин не возражал. А Щербина – что ему, раз начальство сказало! Но в последнюю минуту Турецкий почему-то передумал. Решил: детали можно и завтра уточнить. А все же зря не взял – мог бы и посмотреть, делать-то все равно нечего...

После третьего или четвертого набора наконец пробился в Москву.

– Грязнов! Ты меня хорошо слышишь? Давай другу наводку!

– На что? – раздельно повторил Вячеслав Иванович. – Ты разве уже приехал?

– Славка, я помню, читал в молодости, кажется у Паустовского, про одного русского генерала, который прискакал на белом коне к киргизам и, взмахнув нагайкой, прокричал: «Здорово, саксаулы!» Это он хотел продемонстрировать знание местных обычаев. А дальше был такой текст: «Киргизы испугались...» Вот примерно такая же история приключилась и со мной. По-моему, местная публика никак не может отойти от испуга. Ты меня слышишь?

Грязнов хохотал.

– Навел, значит, шороху?

– Они почему-то считают, что я – тайный генерал, гоголевский ревизор и тому подобное. Вспоминай, кто у них тут охранное агентство открывал, кто во что легализовался, помнишь, о чем речь?

– Ну!

– И давай мне фамилии, к кому я могу припасть, аки грешник скорбящий.

– Чего это ты странные какие слова говоришь?

– А у меня из окна Спас на крови виден, воздействует.

– Понятно. Записывай, а то забудешь. Гоголев Виктор Петрович, зам начальника угро. Пусть даст тебе все про Ефима Юльевича. Витя знает, о ком речь. В остальном тебя просветит он же, по мере надобности. Без его разрешения и предварительно выслушанных наставлений всякие контакты запрещаю, это понятно? А то я тебя знаю!

– Клянусь, ни шагу без спроса!

– Не ври. Я Вите сам перезвоню. Саня, учти, это все очень серьезно. Я редко предупреждаю, ты меня знаешь.

– Я же поклялся. На крови!

– Ладно болтать. Что-нибудь уже нарыл?

– Самую малость. Но не без перспективы. Вот жду теперь самого. Понял, о ком речь?

– Устроился-то как? Куда при случае звонить?

– Пока давай в приемную, а там решим. Устроился неплохо, главное – бесплатно.

Спроси, как доехал? Отвечаю: хорошо. Беседовал о душе. Вообще это твой вариант. Когда позвонишь своему Вите?

– А прямо сейчас. Запиши его телефон и ты...

В дверь позвонили. Раз, другой. Турецкий поспешно записал телефонный номер Гоголева, крикнул Грязнову: «Все, привет! Уже пришли!» – бросил трубку и пошел в прихожую.

– Чего так громко кричишь? – сказал Маркашин, входя. – На лестнице слышно.

– Спасибо, что предупредил. Буду теперь только шепотом.

– Да нет, – засмеялся Семен Макарович, – просто двери закрывай. Дом-то хоть и старинный, а давно не ремонтировался, что-то, видать, разохлось, щели там...

– Ох, ну и конспираторы вы хреновы! То-то вас жулики не боятся! Им же все с улицы, поди, слышно?

– Да вроде того, – охотно согласился Маркашин. – На-ко вот поставь в холодильник.

На первый случай.

Он вынул из портфеля пару бутылок коньяку, флакон минеральной «Полостровской», две банки консервов, батон и пакет с яблоками.

– Ну, как тебе тут?

– Нормально. Знаешь, Семен, я в последнее время подозрительным стал. В своей «конторе». Понимаешь? А тут что? – Турецкий выразительно обвел взглядом стены, кивнул на телефонный аппарат.

– Здесь – порядок. Во-первых, знают немногие...

– Ну, раз, во-первых, знают, значит, во-вторых – уже не срабатывает. Но поговорить мы хоть можем?

– Это за милую душу.

– Тогда давай, ты – хозяин, наливай и внимательно слушай, о чем буду рассказывать...

...Расстались собеседники поздно. Как оказалось, время провели не даром: выяснили главное для себя и прикончили коньяк. Значит, беседа была душевной. И люди в основном тоже, как сказал бы бессмертный товарищ Сухов. Маркашин охарактеризовал Щербину как специалиста дельного и дотошного, однако характер у него оставляет желать много лучшего.

– Шибко обидчивый? – как бы мимоходом заметил Турецкий.

– И это тоже, – уклончиво ответил Маркашин. – Что, уже заметил?

Турецкий пожал плечами и сказал, что кажущийся скверным характер чаще всего объясняется вполне здоровым, но неуголенным честолюбием. И это не так страшно. Надо просто не мешать человеку делать свое дело. Получилось несколько назидательно, и Турецкий хотел было уже смягчить сказанное, но Маркашин не обратил внимания на тон и, похоже, обрадовался, когда Александр предложил свой вариант участия в расследовании. Прокурор пообещал прямо завтра, с утра, вынести постановление о временном включении Турецкого в следственную бригаду Щербины в качестве прокурора-криминалиста. Это и не задевало самолюбия молодого следователя, и давало возможность москвичу спокойно изучить все следственные материалы. К тому же и транспорт за собой закрепить Турецкий не просил. И еще Маркашин сказал, что со следственной бригадой из Москвы встретится сам и обсудит перспективы дальнейшей работы: во всяком случае, что там дальше ни случится, его снимать с работы не собираются. А то он, вынужденный размышлять о будущем своем и семьи,

уже прикидывал, не податься ли в коллегиию адвокатов. Поменять, так сказать, мундир на смокинг. Ну раз пока не надо, значит, можно послужить Фемиде и на этом посту... Словом, ушел он не то чтобы полностью уверенный в постоянной и твердой поддержке Генеральной прокуратуры, но с какой-то долей определенности, что в нынешнем положении уже было немало.

Проводив гостя, Турецкий подумал, что в принципе, конечно, опасения Маркашина небезосновательны. Расследование дела о коррупции, как он рассказал, было санкционировано им самим. И, судя по тому, с каким трудом оно продвигается, когда за него взялась даже Генпрокуратура, говорит о жестком сопротивлении более высоких сил, главным образом из Москвы, а точнее, из правительства Российской Федерации. Ведь под документами, позволявшими проводить акционирование и приватизировать служебные и жилые помещения, предприятия, с небольшой натяжкой даже можно сказать – захватывать целые хозяйственные отрасли, не говоря уж о такой «мелочи», как продажа нефти, металлов, важнейших технологий и выдача многомиллиардных кредитов под поставки продовольствия, которого никто так и не увидел, но сумели вовремя благоразумно списать на государственные убытки растроченные средства, – под всеми этими воистину уголовными документами стояли подписи высших лиц страны. Да, конечно, и печатно, и устно эти лица утверждают, что их подставили, обманули нечестные помощники, заместители, другая чиновная сволочь, но этак подставить можно раз, ну, другой, а постоянные подставки говорят несколько об ином состоянии дел на государственном Олимпе. И в самом деле, о какой же морали можно рассуждать, если ситуации без конца повторяются, а меняются лишь второстепенные ответственные лица!

Естественно, что и поднявший бучу, заваривший кашу, расхлебывать которую теперь приходится практически всем спецслужбам, у коих тоже рыльце в пушку, Маркашин не может ожидать горячей поддержки в высших эшелонах власти. Что же остается? Действительно, подаваться в диссиденты, то бишь в адвокаты...

Вот за этими не совсем веселыми размышлениями и застал Турецкого очень громкий в ночи телефонный звонок. Кто бы это мог быть? Может, Семен чего-то забыл? Телефон звонил настойчиво и резко, Саша еще подумал: надо бы уменьшить громкость и вообще заглянуть в кишки аппарата на предмет прослушки.

Звонки не прекращались. Это становилось неприятным. Вдруг подумал, что звонить может Гоголев, с которым говорил Славка. Но как он узнал, где остановился москвич? Ха, тоже мне загадка! Небось уже пол-Питера это знает... И Турецкий поднял трубку. На всякий случай пробормотал сонным голосом:

– Алло? Кого надо?

– Кого надо – тому звоню, – ответил наглый грубый голос. – Ты, что ль, Турецкий?

– Кто говорит? – резко вскинулся Александр Борисович.

– Ты слушай сюда, «важняк». Канай из Питера, и никто тебя пасти не будет...

– Одну минуточку! – небрежно перебил советчика Турецкий. – Ты кто такой, что на меня дуньку гонишь? Адрес знаешь? Вот и давай, погляжу на тебя, храброго такого. Может, и поговорить разрешу...

– Да ты... – последовала длинная матерная тирада, в которой известное и расхожее выражение «твою мать» было самым мягким и безобидным по смыслу. Затем без перехода последовали обещания отоварить, замочить, глушануть и прочее, что говорило о неумной решительности и откровенной глупости звонившего. Только придурки начинают речь с угроз. Авторитеты так не беседуют.

– Ну вот что, глот, – Турецкий уже все понял, и ему стало скучно, – сам слушай. С тобой больше не базарю. Скажешь бригадиру, что я велел заткнуть тебе парашу. И пусть звонит сам, с братвой дел не веду.

Александр положил трубку и зачем-то прислушался, словно мог услышать, о чем говорят на другом конце провода. Но было тихо.

Вот так, сказал он себе, приехали! Действительно, конспиративная квартира, куда уж дальше! Никаких объяснений не требовалось. Все ответы лежали на поверхности. И если не усложнять, схема могла выглядеть следующим образом. Уж если те, кому надо было убрать вице-губернатора, пустили за ним хвост и достали в довольно сложных условиях, то прокурора города, который вдруг ринулся на вокзал встречать гостя из Москвы, сам Бог велел стеречь. А все дальнейшее дело техники. Проследили, куда поехали, что осматривали, где поселили, и так далее. Значит, очень большой интерес имеют. Уголовники, к слову, любой базар с прямыми угрозами начинают, причем чем ниже уровень, тем громче рык. Авторитеты предпочитают спокойную беседу, тихие голоса, добротную закуску или, наоборот, что-нибудь легкое, вегетарианское, поскольку у большинства из них желудки с печенками и селезенками давно на «курортах» испорчены. Ну а угрозы вроде тех, что высказал этот хрен недоделанный, – это как проба пера, легкая разведка. Все только начинается. Факт же в том, что Турецкий кому-то из местных очень нужен. Вот и начали проверку.

– Ну что ж, Александр Борисович, – сказал он, глядя на себя в зеркало, – диалог скоро продолжится. Однако не исключено, что этот аппарат тайны хранить не умеет. Придется тебе ждать завтрашнего дня. Спи спокойно, дорогой товарищ, тебя не забыли...

Он все-таки не выдержал и залез перочинным ножиком в телефонный аппарат, но ничего подозрительного, естественно, не обнаружил. Сам же недавно, еще вчера вечером, говорил Славке про всякие хитрые батарейки да конденсаторы, будто тот не в курсе! Неча и голову ломать попусту...

Звонков в течение ночи больше не было. Но Турецкий все равно спал беспокойно. Почему-то громко хлопала соседская дверь на лестничной площадке, а с раннего утра чья-то добрая душа врубила на полную мощь магнитофон, и квартира над головой превратилась в небольшой тренажерный зал для ма-аленьких таких слоников, дружно и ритмично топавших толстыми ножками. Ад не ад, но нечто подобное.

Под эту бесконечную макарену Александр Борисович побрился, умылся, оделся и даже вскипятил и выпил чашку чаю. Закрывая за собой дверь и стоя уже на лестничной площадке, вдруг сообразил, что ноги, помимо его воли, вытворяют нечто такое, что совершенно непристойно серьезному взрослому человеку. Зарядился, подумал он, теперь весь день не отстанет...

На улице он не стал играть в тайного агента, а открыто и внимательно огляделся, демонстрируя наблюдателю, если таковой был где-то неподалеку, что готов к любой неожиданной встрече. При этом правой рукой залез под мышку слева и сделал движение, каким обычно поправляют кобуру с пистолетом. Конечно, никакого оружия у него не было. Не согласился он и с Грязновым, который настойчиво советовал прихватить «макарова», и именно в такой вот, подмышечной кобуре. Но Александр отказался и в Москве, и вчера: на предложение Маркашина – мало ли что? – тоже ответил отрицательно. Опыт подсказывал ему, что, если ты не идешь брать вооруженного преступника, пистолет тебе не нужен: против профессионала ты все равно щенок, и достать не успеешь, а отнимут – не воротишь. С другой стороны, имея оружие, невольно в сложных ситуациях больше полагаешься на него, нежели на собственный разум. Так что лучше налегке.

Погода была типично питерская: дождь не дождь, пыль водяная, слякоть под ногами, серая рябь на воде канала, ветер бьет в спину порывами. Хочется поплотнее закутаться в длиннополый плащ, в который заставила-таки влезть его Ирка. Плащ хороший, модный, но Турецкий почему-то чувствовал себя в нем пижоном. К рабочей простоте привык господин старший советник юстиции – к джинсам, такой же куртке, шапочке-бейсболке с американским словом «Калифорния» на тулье. Кстати, подлинным, именно оттуда, вышитым

нитками, а не покрашенным через трафаретку в какой-нибудь Марьиной Роще. Он так и хотел было ехать в Питер, но запротестовала Ирина, потребовавшая, чтобы мистер полковник влез в костюм с галстуком и облачился в давно купленный, но до сих пор не ношенный плащ. Грязнов тоже поддержал давнюю мечту Меркулова – однажды превратить Турецкого из босяка в приличного человека, соответствующего имиджу родной «конторы».

Вот так, размышляя, в сущности, ни о чем, оглядываясь на перекрестках, не быстро шагал Александр в сторону городской прокуратуры. Погода погодой, но пройти по городу не мешало. Он и не волновался: знал – если нужен, сами скоро объявятся. А так-то им удобней.

И как в воду глядел. Встреча произошла на Невском проспекте. Было еще слишком рано, и Турецкий решил немного прогуляться: когда еще выпадет такая возможность. Не торопясь, дошел до Адмиралтейства.

В это время дня на улицах празднующихся гуляк не было. Народ торопился на работу, по делам. И Турецкий, оглядываясь на перекрестках, уже засек второго такого же, как он, «отдыхающего». Модно одетый парень и не скрывался, шел в отдалении, в руке держал «сотовик», время от времени подносил его к уху. Скучающий такой, понимаешь, бизнесмен, который и на прогулке «пашет». Турецкий перешел на другую сторону проспекта, хвост потянулся за ним – не приближаясь и не удаляясь. Интересно, думал Александр, где же будет «разбор»?

Только подумал, и на тебе! Мимо проехал пятисотый «мерседес», затормозил метрах в двадцати впереди, и из него вышел еще один молодой человек. Приятной наружности, отметил Турецкий. Увидев Александра, улыбнулся и пошел ему навстречу. Саша остановился и оглянулся: хвост тоже стоял и глядел куда-то в сторону.

– Александр Борисович? – осведомился приближающийся.

– Да. С кем имею честь?

– Будьте любезны, подойдите, пожалуйста, к машине, – чрезвычайно вежливым тоном сказал молодой человек и показал рукой на «мерседес». – С вами хотят поговорить. Если вы, конечно, не возражаете.

Турецкий пожал плечами и пошел к машине. Молодой человек опередил его и предупредительно распахнул заднюю дверцу. Оттуда тут же выглянул пожилой человек и сделал рукой приветливый жест, предлагая сесть рядом с ним. Секунду помедлив, Турецкий решительно шагнул в машину. Дверь за ним плавно закрылась. Заднюю часть салона от водителя и севшего впереди вежливого молодца отделяло стекло, как когда-то, вспомнилось, в правительственных автомобилях. Это чтоб хозяева жизни могли обсуждать разные проблемы без помех.

– Здравствуйте, Александр Борисович, – вполне учтиво приветствовал его хозяин этого автомобиля. – Вы не торопитесь?

– Нет, решил немного подышать свежим воздухом да город посмотреть. Давно здесь не был. Но я хотел бы знать...

– Да, да, меня зовут Ефим Юльевич. Надеюсь, слышаны.

– Еще бы! – «Важняк» улыбнулся: ишь ты, как оперативно сработали мужики. – А... вчера вечером был странный такой звонок, это...?

Пожилый собеседник тоненько засмеялся и даже промокнул глаза белоснежным платочком. Кого же он напоминал? Турецкий слегка отодвинулся и, склонив голову к правому плечу, с интересом рассматривал этого Ефима Юльевича. На вид около семидесяти, возможно, староват для рискованных операций. Судя по антуражу – серьезная персона. Но отчего же так быстро отреагировал первым на Славкин совет встретиться с этим бывшим тамбовским авторитетом? А может, и не бывшим? И еще этот вчерашний способ знакомства...

– Я хочу все-таки вернуться ко вчерашнему...

– Ай, бросьте! – весело перебил этот пожилой не то грек, не то еврей или все, вместе взятое. – Слушайте, вы что, не знаете их уровень? – Он постучал себя пальцем по лбу. – Я там сказал: позвоните, узнайте, что он такое думает? Он – это вы. Надо ж знать, с кем, в конце концов, имеешь дело, когда тебя об этом просят уважаемые люди. А вы ему – глот! Это хорошо... Знаете, Александр Борисович, – он вздохнул, – уходит, да, уходит... Все – здоровье, молодость, возможности, славная феня, обычаи, да. А что они умеют, а? Стрелять и делать другие глупости.

– Что ж вы такую публику держите?

– А знаете, грубоватые, да, верно, зато честные ребята.

– Ну что ж, каждый волен понимать по-своему.

– Есть и такие, – Ефим Юльевич показал на впереди сидящего. – А вы не будете возражать, если мы немного поедим?

– Пожалуйста, но куда?

– А чтоб не стоять, немного покатаемся, а после я вас, если пожелаете, отвезу в прокуратуру. Или в уголковую – к Гоголеву. – Он откинул крышечку в спинке переднего сиденья и вынул телефонную трубку. Нажал на что-то, и водитель тоже взял такую же. – Давай покатаемся, покажем новому человеку наш красавец город, – и убрал трубку обратно.

– Могу я спросить вас, Ефим Юльевич, чем вызван ваш личный интерес к моей персоне?

– Вот как раз это, – снова засмеялся старик, – хотел у вас узнать я. Вчера, как вам, наверное, известно, мне позвонил Виктор Петрович и, сославшись на нашего давнего общего знакомого, попросил меня: «Ефим Юльевич, – сказал, – вы, конечно, слышали, что произошло недавно на Невском, угол Рубинштейна?» «Да, а кто не слышал?» – так я говорю. «Ну так вот, в этой связи к нам прибыл из первопрестольной важный человек. Ему надо помочь выяснить некоторые вопросы. Вы не будете возражать, если я вас об этом попрошу лично?» «Ну что вы, – говорю. – А где он меня найдет?» Это я вас имел в виду, Александр Борисович. «Позвоните сами, какие счета». И дал ваш номер. Что-то у вас вид усталый, плохо спалось? Но я уже этому Рыжему сделал клизму.

– Нет, вовсе не по этой причине, – усмехнулся Турецкий. – Просто в начале седьмого над головой началась какая-то массовая физзарядка. Табун такой, знаете ли, резвился.

– Ах, так это же Валерия Львовна! Заметьте, ей за пятьдесят, а кавалеры говорят, что ни больше тридцати – ну никак! Держит себя в форме. А, ну да, так это же прямо у вас над этим, – старик, смеясь, постучал себя указательным пальцем по макушке. – Хорошо, я ей скажу, она будет резвиться после вашего ухода. Я обещаю. Так что вас сильно заинтересовало?

– Вячеслав Иванович, давний общий знакомый, как вы выразились, рассказывал мне днями, что после известных событий тамбовские предпочли заняться вполне легальной деятельностью, отмывая капиталы, создавая частные предприятия, в том числе охранные, и вообще отошли от криминала...

– Не все, не все.

– Ну разумеется. Но эта сторона деятельности меня совершенно не интересует. К налоговой полиции никакого отношения не имею. Было также мнение, что вот этой группе лиц в свое время оказывал покровительство тогдашний префект, а ныне – покойный вице-губернатор.

– Это, знаете ли, вопрос!

– Объясню свой интерес. В некоторых средствах массовой информации проскользнули некие подкаски следствию. Суть их в том, что убийство Михайлова было совершено казанской оргпреступной группировкой якобы за его поддержку тамбовских. Логично?

– Ни малейшей логики, – фыркнул старик.

– Ну почему же? Он же являлся, помимо всего прочего, председателем Комитета по управлению городским имуществом. В принципе ведь очень несложно проверить, чьи капиталы и сколько вложены в те или иные приобретения. Полагаю, речь пойдет не просто о больших, а очень больших деньгах. Возможно, я ошибаюсь, но не исключаю, что часть денег прилипла к рукам этого госчиновника. Удовлетворить интересы всех сторон – невозможно, это аксиома. Значит, всякий раз кто-то оставался обиженным. А когда неудачи повторяются, обида вырастает до неизмеримых высот. Вернее, измеримых лишь одним фактором – пулей. Итак, были серьезно задеты интересы. Так называемые стрелки ни к чему не привели, и во избежание повторения междуусобной резни середины девяностых годов было решено ликвидировать первопричину. Разве не логично?

– Ха! Но тогда с таким же успехом вы можете искать заказчика и среди тамбовских. Ведь по вашему раскладу они ничем не лучше казанских.

– Да вы ж сами только что заметили, что далеко не все ваши бывшие... коллеги отошли от криминалитета. Где же моя ошибка? Мог случиться и третий вариант: бригадиры наконец договорились, и тогда одни сделали заказ, а другие предоставили высокопрофессионального исполнителя.

– Тут у вас, Александр Борисович, хотя вроде и выглядит все логично, но имеется одна серьезная неувязка.

– В чем же?

– Договориться с казанскими нельзя. Это – отморозки.

– Да? Между прочим, то же самое знающие люди говорили мне о тамбовских братках. никоим образом не хочу вас обидеть, но ведь вот мы же разговариваем с вами. И вы даже помочь мне решили... разобраться во всей этой криминальной каше. Значит, ничего нельзя принимать на веру. Люди всегда остаются людьми. Кому приспичит – договорятся!

– Ну, наш с вами разговор, – помолчав, ответил старик, – как и его тональность, не имеет отношения к постоянным разборкам двух подлинных хозяев этого города. Скажу вам откровенно, Александр Борисович, очень скоро, – Ефим Юльевич рассеянно поглядел за притемненное стекло своего бронированного автомобиля, – все это будет принадлежать тем, кто действительно имеет и деньги, и власть. То есть нам. Но сперва придется покончить с кровью. Убрать тех, кто этого не понимает или не хочет. – Старик тяжело вздохнул. А Турецкий почувствовал от такой его жуткой уверенности легкий холодок на спине. – Так чем же я могу вам помочь? – неожиданно радушно спросил хозяин автомобиля.

– Меня интересует шофер и телохранитель Михайлова – Сергей Новиков. Приднестровец. Высшее образование получил в охранном агентстве «Марс». Полагаю, слышали о таком. Кто этого Новикова приставил к Михайлову?

– Ну вот, – без всякого выражения сказал Ефим Юльевич, – это уже конкретное.

– Далее. Уловив вашу иронию в связи с покровительственной деятельностью вице-губернатора, хотел бы знать, кому выгодна эта деза? Ну, дезинформация, понимаете?

Старик молча кивнул.

– Все соответствующие заверения, касающиеся нашей с вами беседы, я дал Вячеславу Ивановичу. Могу повторить вам лично.

– В этом нет необходимости. Я уже могу себе позволить пригласить в собственный автомобиль важного представителя Генеральной прокуратуры и ни перед кем в этом не отчитываться... Хорошо. Если это все, скажите, куда вас доставить?

– Наверное, в угрозыск. Или еще рано?

– Думаю, в самый раз. Только вам придется немного пройти по улице, не возражаете? У меня, знаете ли, старинная идиосинкрязия к этой достопочтенной «конторе». Я позволю вам. Возможно, вечером... Да-а, вот так, за разговором не успел показать вам город во всей

красе. Ну, надеюсь, будет случай. Вы мне симпатичны, Александр Борисович. А ваш отчим, насколько мне известно, сильно пострадал... Я ведь немного знал его. В старые времена.

– Да-а-а... – только и смог вымолвить Турецкий. – Вы были знакомы с Павлом Семеновичем Сатиным?

– Ну а что ж в этом удивительного? Я старый человек. А цеховики так называемые начинали тоже не на пустом месте. Но Павла, если ошибаюсь, то поправьте, подставили именно свои. Не так ли?

– Все правильно. Однако же информация у вас. Позавидуешь!

– Я же сказал: давно живу... – Он что-то опять нажал на телефонной трубке, и машина плавно подкатила к бортику тротуара. Сама открылась дверь. – Мы приехали. Всего вам доброго, Александр Борисович. Если позволите, будем считать вчерашний глупый инцидент исчерпанным?

– Да я уж и забыл.

– Тогда я передам от вас привет Рыжему. Ну... грубияну. Ему будет очень приятно.

Дверь закрылась, и машина уехала.

СВИДЕТЕЛЬ ИЛИ СОУЧАСТНИК УБИЙСТВА?

Высокий, горбоносый, с пышными черными усами – типичный донской казак в кинематографическом исполнении – Виктор Гоголев встретил Турецкого на лестнице и провел в свой кабинет.

– Дежурный позвонил, сказал, что вы ко мне. Садитесь. Чай? Кофе?

– Минералки бы, – с печальным видом ответил Александр Борисович.

– Понял, – хмыкнул тот и, сняв трубку внутреннего телефона, повторил просьбу гостя. И с той же интонацией. Артист!

– Новости имею, – как-то неожиданно вычурно заметил «важняк». – В том смысле, что благодаря вашим стараниям встреча уже состоялась.

– Да ну! – удивился Гоголев. – Быстро дед среагировал! А что ж вы-то, Александр Борисович, тут же не поставили меня в известность? Ведь Вячеслав предупреждал: ни шагу!

– А я здесь ни при чем. Иду себе нынче, подъезжают, просят пройти в машину, вежливо, с достоинством. А как фамилия этого Ефима?

– Рафалович. Папаша его был присяжным поверенным, а сын вот...

– Сын, между прочим, не чета какому-то стряпчему, он на весь город замахнулся: деньги, говорит, власть... Ладно, сами разберетесь. Словом, беседа предварительная состоялась, думаю, он сумеет оказать помощь. Так где же ваша вода?

Гоголев сделал обнадеживающий жест рукой и вышел из кабинета. Александр и оглядеться не успел, как тот вернулся, отвинчивая на ходу пробку у пластмассовой бутылки и разбрызгивая по полу забурлившую минералку. Подал стакан.

– Причащайтесь, сэр!

Так, усмехнулся Турецкий, Славкина работа! Нахалы они все-таки, эти менты. Никакого уважения к прокуратуре. А с другой стороны, чего стесняться? Замначальника уголовки, поди, подполковник. Судя по виду – ровесник. А если Славка его ценит, значит, и спец толковый, быть ему полковником. Ну и дай Бог...

– В двух словах, если не секрет, в чем суть просьбы? – переходя на деловой тон, осведомился Гоголев. – Я к тому, чтоб не с завязанными глазами действовать. В принципе на Рафаловича я надеюсь. Но он же не царь и не мессия, у кого-то может найтись и на него управа. Ну а все эти его закидоны насчет высшей власти, так это он вам, как новичку, пыль в глаза пускает.

Турецкий поиграл бровями, изобразив на лице полнейшее согласие со сказанным. Правда, интуиция подсказывала полностью противоположное. Ну да ладно, ведь смена власти произойдет не завтра, значит, у этих ребят есть еще время подумать...

И «важняк» изложил причины своего интереса к водителю покойного вице-губернатора. О второй части, касающейся дезы, говорить не стал, поскольку, по его соображениям, к ведомству Гоголева она отношения не имела. Затем поинтересовался успехами в этом деле коллег. Гоголев вынул из сейфа конверт и вытряхнул из него две крупные фотографии. Фотороботы, понял Александр. Взял снимки в руки, стал внимательно рассматривать. Подозреваемого киллера, похожего на девку, узнал сразу. Таким его примерно и описал Щербина. А вот второй – какой-то весь квадратный, не очень натуральный, являлся, видимо, тем, кто в сине-зеленом пиджаке прыгал перед носом наезжавшей на него машины. Мужичку где-то под сорок, спортивный, это видно по лепке лица. Но зачем же ему было такую запоминающуюся хреновину на себя напяливать? А что, подумалось вдруг, может, он хотел, чтоб именно эта деталь и запомнилась? Уничтожить легко, а без пиджака – поди узнай! Потому и фоторобот такой «общий», ординарный.

– Вы мне могли бы презентовать эти личики? Можно меньшего размера.

– Сделаем.

– Хорошо бы к ним приложить еще фотографию Сергея Новикова. Вы-то его, кстати, видели? – И, после кивка Гоголева, Турецкий попросил описать того.

Внешне ничего особо примечательного. Действительно, короткое время провел в Приднестровье, мальчишеская романтика, говорит, играла. Имел там касательное ранение головы. Проверить подлинность лицензии, выданной «Марсом», пока не представляется возможным. Хотя вроде все правильно, но в девяносто втором-девяносто третьем годах все эти охранные конторы, агентства, школы возникали, вскоре исчезали, лицензии выдавались, потом отбирались, и так без конца, пока в девяносто пятом более-менее обозначились наконец контуры этой частной службы. Среди тех, кто приказал долго жить, оказался и «Марс». А вот идея обратиться к Рафаловичу – идея, кстати, очень толковая, как-то не приходила в голову. Гоголев хотел, видимо, слегка польстить Турецкому, но следователь подхалимаж не принял и немедленно отдал все лавры Грязнову. Таким образом не уронив их корпоративной чести. Фотографию Новикова сделать нетрудно, заметил Гоголев, но зачем, если его можно вызвать в любой момент?

– Затем, – ответил Турецкий, – что хочу взять с собой в Москву. Мало ли при случае кому показать придется?

– Ладно, организуем, – согласился Гоголев, но Саша видел, что тот расценил эту просьбу исключительно как блажь москвича.

Из кабинета заместителя начальника питерского угро Турецкий связался с Грязновым, сдержанно поблагодарил за помощь и передал свой диалог с Рыжим, естественно, с последующей реакцией Ефима Юльевича. Слушавший разговор Гоголев с укоризной смотрел на Александра Борисовича: ну как же, мол, мне-то не сказал об этом! Да я бы им!... Но Турецкий, шутливо отмахиваясь, перешел к серьезным делам. Сказал, что питерцы в ближайшие полчаса передадут по факсу два фоторобота возможных киллеров с соответствующей ориентировкой и фотографию не пострадавшего при покушении шофера-охранника, которую надо срочно проверить по собственным каналам, а Костю попросить передать ее известному ему Гене. Расшифровывать свою просьбу для Гоголева Александр не стал. Но тот и сам уже понял, что москвич замыслил что-то серьезное. И тут же пошел отдать соответствующие распоряжения.

– Слава, секунду, – Турецкий повернул голову и крикнул вдогонку Гоголеву: – Виктор Петрович! Вы Новикова-то не вводите в курс дела!

– Понял, – кивнул тот. – Аккуратно сделаем.

Когда дверь за ним закрылась, Александр Борисович негромко сказал Грязнову:

– Передай при случае Косте, что, по-моему, эти мужики немного зациклились, знаешь, так, по-провинциальному, на своих тамбовцах и казанцах. И готовы повод принять за причину. Я успел просмотреть все, что они смогли накопать, и думаю, что концы надо искать в Москве. Понимаешь меня? Ну ладно, все, хозяин идет. Косте пока сам звонить не буду, практически неоткуда. Тебе Гоголев нужен?... Виктор Петрович! Вас – на два слова.

– Благодарит за помощь, – сказал минуту спустя Гоголев, кладя трубку. – Ну что ж вы-то мне ничего не сказали про эти проделки?

Было похоже, что он даже обиделся.

– Пустяки. А вот вы, к примеру, знаете, кто там у меня как раз над головой живет? Нет? А я знаю. Хозяйку зовут Валерия Львовна, и ей пятьдесят лет, но все мужчины, которых она обслуживает, больше тридцати ей не дают. Знаете, к чему говорю? Это мне рассказал ваш Рафалович. Ну, во-первых, слышимость там что надо, а во-вторых, не исключаю, что проходящим к ней мужчинам может быть безумно интересно знать, о чем совещаются ответственные работники прокуратуры. У вас же есть специалисты, подошлите туда, помогите своим коллегам из прокуратуры, ей-богу, хорошее дело сделаете.

Гоголев качал головой и ожесточенно чесал подбородок.

– Ну надо же! Вот новый человек... Спасибо, сделаем. Ко мне у вас есть дела? Или хотите в прокуратуру?

– А куда ж мне еще? Одна дорога... – и подумал, что был бы сейчас очень хорош, если бы взял-таки вчера с собой дело, и оно наверняка если не пропало, то просмотрено было бы уж точно. Нет, все-таки надо верить предчувствию и интуиции. – Значит, мы договорились, Виктор Петрович, вы сделаете то, что я просил, но с Маркашиным разговоров не ведите, я сам ему скажу...

Семен Макарович, сообщив о вынесенном постановлении насчет Турецкого и выслушав сдобренный изрядной порцией юмора его рассказ, искренне испугался, хотя подобное состояние духа никак ему не шло. Насторожило его и обращение следователя за помощью в уголовный розыск. Но тут Турецкий легко убедил прокурора, что у того отродясь знающих специалистов, какие бывают в угрозыске, не было, да и быть не могло. А тот же Гоголев, можно быть абсолютно уверенным, человек в определенном смысле железный. Сказал – сделает и лично Маркашину все покажет и объяснит, как пользоваться.

Затем «важняк», словно бы кожей чувствуя приближение каких-то важных событий, но не решаясь ничего торопить, отправился в кабинет Щербины и уселся изучать по-новому протоколы допросов свидетелей, акты всяческих экспертиз. Все вроде знал, но для собственной ясности не хватало какого-то штриха. Вот его и искал.

Прихватив с собой старшего лейтенанта Пахомова, Гоголев отправился сам выполнять просьбу Турецкого. Тем более что Грязнов по телефону не столько благодарил его, сколько еще раз просил проявить максимум внимания к просьбам следователя и пока не задавать лишних вопросов. Все вот-вот прояснится.

Ему показалось странным, что в мэрии не нашлось никаких документов, касающихся Сергея Новикова. Чиновная дама-кадровичка заявила, что личное дело на него, естественно, завели при приеме на работу. Но затем в связи со случившимся огромным несчастьем в кадры приезжали не то из прокуратуры, не то из милиции и дело Новикова забрали. Под расписку. Она где-то есть, конечно, но... надо поискать. А в чем дело? Почему такая срочность?

Вот так – ни личного дела, ни фото. А ведь все было! Иначе откуда взяты сведения? Гоголев тут же перезвонил Щербине. Тот подтвердил, что личное дело видел, читал, но поскольку Новиков проходит свидетелем, следователь выписал основные его данные, а дело вернули по назначению. Курьер прокуратуры и отвез обратно в мэрию. Сдал под расписку. Вот она.

Ну то есть ничего нельзя понять. Надо ехать к самому Новикову.

Записав адрес, Гоголев сказал своему водителю:

– Игорек, дуй к Загородному до технологички, затем по Московскому до парка Победы. И крылышки включи, чтобы мы как ангелы долетели!

И дом, и корпус отыскивали быстро. Это была стареющая хрущевская девятиэтажка с одним подъездом. На этажах – по восемь квартир. Здесь соседи обычно знают друг друга. Однокомнатная квартира Новикова находилась на шестом этаже. Гоголев прикинул в уме номер ее, значит, из лифта направо. Оставив оперативника у входа в дом, Гоголев вошел в грязный, обшарпанный подъезд, нажал кнопку лифта, а когда открылась дверь и он увидел на полу, прямо посередине, кучу собачьего кала, желание ехать как-то прошло. Решил подняться по лестнице.

Зрелище тоже было не для слабонервных: все стены исписаны разноцветными фразами, представляющими некое смешение английского сленга и русского мата, с помощью которого юные петербургские полиглоты восславляли футбольную команду «Зенит», предлагали известным им Маринкам и Ларискам половое сотрудничество и высказывали недвусмысленные намеки в адрес какого-то пидора Коти.

Очень интересно, чей это дом, размышлял Гоголев, посмотреть бы в глаза тем, кто отвечает за порядок в нем, за чистоту. И еще подумал, что вот если бы ему сейчас предложили поменять его комнатку с небольшой прихожей в коммуналке на Моховой даже на четырехкомнатную квартиру в этом доме, он бы решительно отказался. Там, в центре города, пока, кажется, еще никому не приходит в голову изображать слово «fuck» белой эмалью на двери соседа.

Короткий коридорчик, в который выходили четыре квартиры, и в частности Новикова, наглухо перекрывала дверь с фанерой вместо стекла. На дверном косяке четыре кнопки звонков, точнее, три, вторая снизу кнопка отсутствовала, вместо нее торчали два медных провода. Вот они-то и были нужны Гоголеву. Он аккуратно соединил проводки, прислушался, но за дверью было тихо. Повторив попытку еще пару раз, стал названивать соседям. После долгого молчания наконец в коридоре открылась какая-то дверь и сонный голос сердито прокричал:

– Ну чего надо? Когда ж это кончится, твою мать?!

– Уголовный розыск! – ответил Гоголев. – Откройте, пожалуйста.

– Ага! Наконец-то! – обрадовался тот за дверью. – Сейчас штаны надену, обождите.

Послышались шлепающие шаги, и дверь отворилась. Заставленный ящиками, лыжами, велосипедами, какими-то досками и палками, коридорчик был освещен тусклой сорокасвечовкой, поскольку положенные лампы дневного света отсутствовали. Гоголев показал свое удостоверение, небритый мужик в несвежей тельняшке и пижамных штанах мельком взглянул и понимающе кивнул.

– К нему, что ль, опять? – Он мотнул нечесаной головой в глубь коридора. – Так ему б и звонили, чего соседей тревожить? И так всю ночь гам-тарарам. Вон, идите туда! – показал пальцем на дверь справа.

– Я звонил, но что-то не получается, – извиняющимся тоном сказал Гоголев, – помогите мне. Не знаете, Новиков дома?

– Ну а где ж ему быть, если, говорю, полночи гам-тарарам? Я уж не выдержал, постучал, говорю: уймись маленько, сосед! Какое там! Слышу – гы-гы-гы! Бабы чего-то кричат! Музыка, мать их... извините. Я уж говорю: ну неужто опять на тебя в милицию жаловаться? Ладно, отвечает, заткнись, а мы скоро кончим. Кончили. Под утро только стихло. Мне чего, я один живу, а другие боятся: тут к нему такие лбы ходят, придавят – и не пикнешь. А вас, значит, все-таки вызвали? Ну и правильно, наведите порядок, мать его...

Гоголев между тем подошел к двери и постучал. Прислушался и постучал снова. Потом нагнулся к дверной ручке, потянул носом и резко выпрямился.

– Слушай, сосед, сделай одолжение, давай вниз, там у подъезда моя машина. Скажи Пахомову, старшему лейтенанту, чтоб бегом ко мне, а водителю объясни, где отыскать ваше домовое начальство. Скажи: сильная утечка газа, может рвануть! И сам позови кого-нибудь из соседей, будете понятыми. Ну, чего ждешь? Давай, одна нога здесь – другая там! – подтолкнул его в спину, видя, что тот стал размышлять – изумительное качество российского мужика.

Наконец сосед убежал, шлепая тапками, а Гоголев сунулся в соседние квартиры, но там никто не откликнулся: действительно, рабочий же день, ничего странного...

С грохотом раскрылась дверь лифта, и появился Пахомов. Мужик, сказал он, сейчас подойдет со вторым понятым.

– А чего тут, Виктор Петрович? Он сказал – газ, а я не чую.

Гоголев показал пальцем на дверную ручку, оперативник понюхал и кивнул:

– Ага, есть маленько. Но очень слабо. А что, никто не отвечает?

– Не-а...

– Вскрывать будем?

– Вот подойдут понятия.

– Интересно, – сказал Пахомов и подергал ручку. Потом пару раз стукнул кулаком, прислушался. Слегка откачнувшись, навалился плечом и... рухнул на колени, потому что дверь неожиданно распахнулась. Сразу в лицо ударила волна газа.

– В комнату! – крикнул Гоголев, зажимая себе нос. – Открывай окно! Я – на кухню!

И, перепрыгнув через стоящего на карачках опера, кинулся на кухню. Услышал ровное шипение газа, глаза сильно щипало, но он сумел довольно быстро, причем не дыша, распахнуть балконную дверь, набрать полную грудь воздуха и тогда вернулся на кухню и закрыл все пять рукояток газовой плиты.

Сквозняк быстро выветрил массу скопившегося газа, и Гоголев наконец смог обрести возможность дышать и видеть. И то, что он увидел, его совсем не обрадовало. Поэтому он осторожно, стараясь ни к чему не прикасаться и ничего не задевать, на цыпочках направился к входной двери, махнув рукой Пахомову, стоявшему посреди большой комнаты:

– Иди сюда, ничего не трогай.

Газ быстро выветривался. Сыщики, как они себя гордо именовали, стояли у двери и осматривали ее. Стало понятно, почему в коридоре почти не пахло: дверь изнутри была обита плотной изолирующей тканью, препятствующей выходу газа. Но того, что уже накопилось в квартире, вполне хватило бы для приличного взрыва, ну и всего ему сопутствующего.

Наконец из второго коридора появились понятия. Сосед в тельнике что-то, усиленно жестикулируя, объяснял второму – глубокому старичку, лет, наверное, около восьмидесяти. Странно, что сумел уговорить.

Увидев открытую дверь, остановились в недоумении. Но Гоголев, подзвав их жестом, объяснил, что к чему, те потянули носами и согласились с доводами товарища подполковника.

Телефонного аппарата в квартире Новикова, как заметил уже Гоголев, не было. Вероятно, тот пользовался сотовой связью. Но искать трубку до приезда дежурной бригады не стоило. Телефон оказался у соседа в тельняшке, который наконец-то назвался Гришей. С этого аппарата Виктор Петрович и вызвал помощь. Потом объяснил понятиям, какие действия были проведены, каким образом вскрыта дверь, которая вообще оказалась незапертой – он тут же продемонстрировал этот процесс еще раз, чтобы убедить понятих, что особых нарушений, в общем, и не было. Нет, были, конечно, но ведь и каждая минута была дорога. А теперь в квартире распахнуты дверь и окно, газ перекрыт и никакой опасности больше не предвидится. Но присутствие понятих необходимо и дальше, поскольку в квартире обнаружен труп. Сейчас приедут следователь с экспертами и можно будет войти в помещение.

Затем Гоголев позвонил в горпрокуратуру, нашел Щербину и попросил того передать Турецкому, что для него имеется малоприятное сообщение: есть подозрение, что человек, которого в настоящий момент ищут, найден, но он, увы, мертв. Экспертиза в ближайший час установит причину. Щербина заволновался: о ком еще речь? Гоголев сказал, что разговор у них шел о Новикове. Все остальное – позже. Щербина записал номер телефона, с которого говорил подполковник, адрес и заявил, что они, скорее всего, подьедут вдвоем с Турецким.

Чтобы не терять дорогого теперь времени, Гоголев усадил Гришу в его же кухне, сел напротив и стал последовательно и детально расспрашивать обо всем, что касалось его шумного соседа: что о нем говорят в доме, чем он занимался, когда приходил и когда уходил, кто у него бывал, часто ли устраивались пьянки, подобные вчерашней, бывали ли у него женщины...

Что-то Гриша знал, о чем-то слышал, кого-то видел лично, и не раз. Описал, как выглядели. В общем, мужик оказался наблюдательным. Но если какие-то полчаса назад он был бескомпромиссно зол на соседа, то теперь, узнав, что, возможно, это его труп валяется у

газовой плиты с проломленным черепом, -хотел взглянуть, но милиционер не пустил, сказал что его следы никому не нужны, – словом, подобрел к покойному Гриша. Не такой уж он, наверно, плохой и парень был: ну шумный, так ведь молодой. И симпатичный с лица – отчего ж баб не водить? А что гулянки – так ведь не каждый же день! Дружки, правда, противные: бычки такие, кожаные, наглые. Пасть, говорит, заткни, папаша, а то говном захлебнешься, твою мать... надо же! А что ты ему, если он тебя соплей задушит! Эвон, смена им подрастает, как подъезд испохабили! Сплошной один фак!...

Второй понятой сидел, пригорюнившись, на кончике стула и лишь скорбно кивал, подтверждая абсолютную правоту соседа.

На лестничной площадке послышался шум, громкие голоса: это явились сразу все заинтересованные лица. Игорь отыскал и привел диспетчершу из РЭУ, дородную, краснолицую тетку, а также участкового, которого перехватил у дверей опорного пункта. Словом, все на данную минуту ответственное местное начальство. Одновременно с ними приехала дежурная бригада, а буквально минуту спустя примчались Щербина с Турецким. Можно было приступать к работе.

Следователи аккуратно прошли на кухню, где с помощью понятых провели опознание убитого, и вышли в коридор, предоставив дежурной бригаде возможность заниматься своим делом.

По заключению судебного медика, естественно предварительному, поскольку о возможности отравления, наркотиках или степени опьянения можно было говорить лишь после вскрытия и проведения соответствующих анализов, убийство произошло где-то в районе между третьим и четвертым часом утра. Впрочем, примерно это время указал и сосед, сообщив, что шум и гам стихли лишь под утро. Если анализы не покажут иного, то орудием убийства послужила бутылка из-под шампанского. Ее в настоящий момент исследовал эксперт-криминалист, заключение которого полностью перечеркивало предположение об обычной драке по пьяному делу. Бутылочная поверхность была девственно чиста, так, будто после «дела» ее тщательно вымыли и вытерли, ну то есть ни малейших следов, даже тех, что остаются после магазинов. Однако удар, и, кстати, довольно сильный, был нанесен именно ею: у покойного было буквально проломлено основание черепа. Похоже, что удар был произведен в тот момент, когда Новиков зачем-то наклонил голову. И происходило это здесь, на кухне, возле газовой плиты. А после удара, когда убийца, или, возможно, их было несколько, аккуратно уложив жертву на пол, убедился в том, что Новиков – покойник, он вымыл тут же, под краном, орудие убийства и поставил бутылку возле плиты, нимало не заботясь о создании хотя бы достоверной картины пьяной драки. Значит, это было с самого начала запланированное убийство. Но тогда зачем же столько свидетелей? «Быки», женщины, смех которых слышали соседи? Ведь так не бывает, чтобы собралась большая компания и устроила веселье в квартире человека, которого собирались убить! Или именно компания и являлась тем прикрытием, под которым действовал убийца?

Во всяком случае, пока ясно лишь одно: Новиков оказался каким-то образом причастным к смерти своего шефа. Вероятно, именно поэтому его и убрали. Вопрос в другом: почему не сделали раньше? Не мог ли причиной гибели водителя-телохранителя стать неожиданный интерес к его персоне московского следователя?

Турецкий мрачно глядел в окно на затянутое серым, непробиваемым сукном петербургское небо и старательно анализировал все свои вчерашние разговоры. Кстати, Рафалович никоим образом не мог быть причастен к убийству: встреча с ним и просьба по части Новикова была высказана тогда, когда сам предмет интереса являлся уже покойником. Никого, естественно, не могла бы насторожить и подписка о невыезде, отобранная у Новикова, ибо по нынешним временам этот юридический документ не остановил еще ни одного преступника, решившего «сделать ноги».

Каким-то примитивным дилетантизмом веяло и от самого убийства. Врезать по черепу, а затем аккуратно уложить труп на пол... Зачем-то включать газ... Впрочем, возможно, именно этого ощущения у следователей и хотел добиться убийца? Мол, действовал тут явный дурачок, наглядевшийся американской кинодетективщины. Или?... Что-то все больше и больше подсказывало Турецкому, что работа была выполнена вполне профессионально. И убийца, по всей видимости, был знаком с Новиковым. Как и все остальные гости. А если это так, значит, и у Новикова рыльце в пушку.

Вырисовывалась новая картина убийства вице-губернатора. Если шофер был заодно с киллерами, он мог и доставить жертву точно в указанное место, и, остановив машину, чтобы избежать наезда на случайного прохожего, который, возможно, был совсем и не случайным, покинуть салон автомобиля за секунду до начала стрельбы. Ведь никто же не зафиксировал, в какой момент это произошло. Могла бы, конечно, сказать Вероника Моисеевна – если бы могла, в чем врачи очень сомневаются.

К слову, сама супруга Михайлова была ранена потому, что сидела за спиной мужа, оказалась она немного левее, случайная пуля ее не задела бы. Отсюда вывод: ни она, ни водитель, над головой которого не оказалось ни одной дырки, не являлись мишенями для киллера. Но тогда чем же теперь вызвано убийство шофера? Может быть, он знал нечто такое, что не должны были узнать следователи, и поплатился за это? Тогда почему убийцы ждали три дня? Почему не убрали шофера вместе с хозяином? Одни вопросы...

К сожалению, те гости, которых успел разглядеть сосед Гриша, не были похожи на предъявленные ему фотороботы предполагаемых киллеров. Новиковские гости были моложе и, как один, имели характерное отличие – стриженные квадратные затылки.

Между тем и криминалист преподнес сюрприз: пальцевые следы на тарелках, стаканах, бутылках были стерты или же размазаны до такой степени, что не годились для идентификации. А возможные следы рук на мебели, дверных ручках и прочих предметах были явно стерты грязным вафельным полотенцем, валяющимся в кухонной раковине. Разводы от этой мокрой тряпки были обнаружены повсюду. Тот, кто внаглую демонстративно убирал следы рук, казалось, издевался над сыщиками: вот, мол, вам, ищите себе на здоровье!

Не внесла в дело ясности и собачка, прибывшая с проводником. Впрочем, что-то она все-таки учуяла и довольно резво рванула за порог, даже вывела сержанта во двор, но у выхода из арки завертелась и заскулила. Обычная картина: тот, кого она вела, сел в машину и уехал.

А вот оперативнику повезло больше. Он еще удивился: как это – гости пили, курили, что подтвердил и Гриша, а окурков в доме нет! Возле той же арки, у помойного бачка, он обнаружил скомканную газету, а развернув ее, увидел кучу окурков. Эту находку получил в свое распоряжение эксперт-криминалист. Небрежно сработал убийца, смахнув окурки и мусор со стола в газету, а затем в темноте промахнувшись свертком мимо бачка. Среди прочего мусора оказалось несколько водочных пробок, а это уже что-то!

Такая, значит, ситуация представлялась. Судя по количеству посуды на столе, гостей было не менее пяти человек. Где-то в районе трех часов утра большинство покинуло квартиру. Кто-то остался, причем из тех, кого Новиков хорошо знал, кто, во всяком случае, не вызывал у хозяина недоверия. Убийство произошло на кухне. Там же убийца уложил покойника на пол, мокрой тряпкой протер все, чего могли касаться пальцы его и гостей, включил все газовые конфорки, даже духовку, забрал сверток с мусором и вышел тихо – дверь замком не щелкнула, чтобы не разбудить нечаянно соседей. Вот поэтому и вломился в квартиру Пахомов, нажав на дверь плечом. Но зачем был нужен газ? Может быть, убийца рассчитывал на случайность, которая могла бы вызвать взрыв, ну и все остальное, ему сопутствующее? Логика-то в этом есть, но странная какая-то...

Тщательный обыск квартиры практически ничего нового не дал. Напротив, у следователей появилось ощущение, что здесь жил человек, ничем не интересующийся. Кроме телевизора – небольшого переносного «Панасоника». Книг Новиков не читал, газеты не выписывал, писем ни от кого не получал. Одиноким такой, понимаешь, молодой волк. Правда, довольно симпатичный, судя по фотографии в паспорте, найденном в заднем кармане джинсов. Все остальные его документы – водительские права, техталон, спецпропуск и прочие нужные бумажки – были найдены в бардачке расстрелянной машины. Там они лежали в кожаной сумочке.

В бельевоом шкафу болтались на вешалках несколько недорогих костюмов, рубашки, на полках – нижнее белье, носки. В прихожей – несколько пар поношенных туфель. В общем, как-то негусто, небогато. Личный шофер и телохранитель вице-губернатора мог бы выглядеть и импозантней. А тут все какое-то серое, невидное. Или незаметное? Что вернее? Не в сути ли этого вопроса и лежит разгадка личности Сергея Новикова, ленинградца, 1971 года рождения?

Между тем участковый и дородная диспетчерша из РЭУ, как было ими заявлено, по своим каналам собрали сведения о жильце. Выяснилось, что жил Сергей с матерью, умершей в восемьдесят девятом году, после чего он сдал свою жилплощадь семейной паре военнослужащих, которые и вносили все коммунальные платежи. Где он проживал сам, неизвестно. Во всяком случае, первый вызов милиции по причине пьяной драки в этой квартире был зафиксирован в конце октября девяносто третьего. Было еще несколько мелких происшествий, но вскоре молодой человек остепенился, вроде повзрослел, стал даже работать в мэрии. А теперь вот шофером у самого вице-губернатора. Ничего больше к сказанному никто добавить не мог.

А ведь на допросе Новиков не скрывал, что утолял свою романтику в Приднестровье. Что и в Москве был проездом. И все сходилось к тому, что появился в Питере после октябрьских дней в столице. Известно же, что среди защитников Белого дома были и приднестровцы. Только как и кого они защищали, тут до сих пор, кажется, нет ясности. Хотя проверить можно и это обстоятельство. Но пусть теперь Новиковым займутся соответствующие службы, которые в силах обнаружить любые концы.

Турецкий попросил Щербину дать указание своим коллегам, не откладывая дела в долгий ящик, подготовить все, что имеется по Новикову для передачи в Москву. Поделившись своими соображениями, Александр Борисович увидел, что те охотно и легко согласились с ним. Действительно, а чего тут спорить, если просит прокурор-криминалист? Ему видней.

Может, оно и так, но Турецкого никак не оставляло ощущение, что смерть Новикова каким-то образом спровоцирована именно им, его интересом к водителю, зафиксированным чьим-то весьма заинтересованным глазом, что явилось той точкой, после которой и было принято решение о немедленной ликвидации... кого? свидетеля? соучастника? просто излишне информированного человека? Но зачем же тогда так грубо? Или в этом своя логика: мы, мол, тебя не боимся, и сама акция – чисто формальный ход? Они и личное дело Новикова, поди, забрали в кадрах, чтобы поиск затруднить. Другими словами, пошли на почти открытую, наглую игру со следствием. Но пока нет ответа на главный вопрос: кто заказчик? – не будет ясности и с делом Новикова. Значит, оказать помощь в данный момент могли лишь два фактора – внимательное изучение показаний свидетеля Новикова, слово за словом, что хотел сказать, но не сказал, или от чего ушел, так и не решившись, это первое, и второе – что расскажет Ефим Юльевич Рафалович. Сведения же из Москвы быстро не придут. Там надежда, как всегда, на Костю и его замечательного тайного друга Гену из службы собственной безопасности – самой хитрой «конторы» России.

Понимая, что ничего нового он уже не узнает, и не теряя время зря, Турецкий попросил отправить его в прокуратуру. Ему показалось, что большинство присутствующих при этих его словах облегченно вздохнули.

ВЕРОНИКА ЗАГОВОРИЛА

Петр Григорьевич Щербина в присутствии москвича чувствовал себя дискомфортно. Это – мягко говоря. Он не считал себя карьеристом в том обывательском смысле слова, но все же предпочитал действовать самостоятельно, по собственному разумению, поэтому всякого рода советы, особенно от таких вот приезжих деятелей из высших инстанций, воспринимал болезненно и расценивал как попытку подрыва его профессионального авторитета. Нет, он не был чрезмерно самонадеянным или безосновательно уверенным в своих силах, но то, что он умел делать, признавалось коллегами. Да и сам факт, что в двадцать семь лет он стал следователем по особо важным делам, говорил только в его пользу. Все бы хорошо, но вот особо важных дел в Питере как раз было немного, и Маркашин наиболее крупные и значительные в плане общественного звучания передавал более старшим коллегам Щербины, что, в общем, довольно ощутимо ущемляло самолюбие молодого «важняка».

И вот наконец появилось действительно громкое дело и, по разумению Щербины, не Бог весь какое запутанное. Ясна казалась ему и подоплека преступления: и прошлая, да и нынешняя деятельность Михайлова ни для кого в городе секрета не представляли, не явились неожиданными или кем-то специально спровоцированными и довольно устойчивые слухи о зарубежных счетах вице-губернатора. Проверить эти слухи Петр, как руководитель оперативно-следственной бригады, поручил ее члену, прикомандированному от УФСБ майору Шереметику, чем Павел Кузьмич активно и занимался.

Сегодняшнее убийство водителя Новикова тоже в принципе не выпадало из схемы, выстроенной следователем. Тем более что причина двух преступлений, взятых вкупе, могла показаться странной или неосновательной только человеку, далекому от городских проблем, как-то: приватизация, дележ, передел собственности и сфер влияния, получение кредитов и все прочее, связанное с огромными деньгами. Такая вот «экономика», с позволения сказать, и водит рукой убийцы. И нечего здесь особенно мудрить.

В этой связи приезд москвича, которого Маркашин поторопился включить в бригаду в качестве прокурора-криминалиста, крайне не понравился Щербине. Да и само поведение горпрокурора, самолично ринувшегося на вокзал встречать посланца Генеральной прокуратуры, тоже не внушало почтения. Это тем более непонятно, что в городе уже прочно обосновалась целая бригада москвичей, которые все тянут-потянут, а вытянуть не могут. Вот бы и встречали своего. За два года, подумать только, откопали четырех второразрядных чиновников! И это пример массовой коррупции? Ну прямо-таки чудеса, ничего не скажешь...

Поговаривают, правда, что у Маркашина в этом деле имеется какой-то свой интерес и что не шибко довольны прокурором города в столичных верхах. Но это – досужая болтовня. Хотя кто знает, может, именно Турецкого и решили использовать в качестве «неотложки»? Всякое ведомство обязано чтить честь своего мундира. Это – аксиома.

Откровенное неприятие вызвало у следователя и странное желание москвича, делавшего при этом таинственную мину и неизвестные собственные выводы, придать всему связанному с убийством вице-губернатора некое политическое звучание. Но какая тут может быть высокая политика! Деньги – вот и вся политика. Преступность окончательно обнаглела, ведет себя в городе по-хозяйски – вот из какой «политики» следует исходить. А не искать черную кошку...

Но от этих, мягко говоря, удручающих мыслей следователя спасала привычная, впитанная со студенческой скамьи тщательность в работе, тот самый профессионализм, за который Щербину особо ценил нелюбимый им Маркашин. Поэтому, понегодовав про себя по поводу отдельных умозаключений отбывшего из квартиры Новикова московского «важняка», Щербина обратил внимание на то, что дежурная оперативно-следственная бригада

работала четко и все материалы: протоколы осмотров и допросов, акты экспертиз – в любом случае лягут к нему на стол, поскольку дела об этих двух убийствах необходимо соединять в одном производстве.

Щербину беспокоило теперь затянувшееся шоковое состояние супруги покойного вице-губернатора. Показалось даже – уж не игра ли тут какая-то? Женщина наверняка что-то знала. Как знал и Новиков, – в этом вопросе Щербина был согласен с Турецким. В прошедшие дни он звонил в больницу четко трижды в день – чтобы не надоедать лечащему персоналу и напоминая о необходимости в случае любых изменений поставить его в известность. Краткие беседы происходили, как правило, с главным врачом либо с дежурным по отделению. А сейчас Щербина почему-то набрал номер дежурной медсестры и поинтересовался состоянием здоровья Вероники Моисеевны. И та, к удивлению следователя, сообщила, что больная уже пришла в себя и еще утром беседовала о чем-то с главврачом. Вот это новость! А ведь дежурный врач утром сообщил, что пока нет никаких изменений!

И Щербина, не теряя время, помчался в больницу.

То, что некая непонятная игра все-таки велась, следователь понял сразу. Врач продолжал настаивать, что Вероника Моисеевна не пришла в себя, и странная уверенность следователя в обратном ему представляется непонятной. Однако Петр Григорьевич, если требовало дело, умел проявить настойчивость. И врач сдался. Тем более что испросить совета у главного он не мог – главврач в клинике в настоящий момент отсутствовал. Прошли в палату. Медсестра поила Веронику соком. Ну вот, а говорили – без сознания!

Женщина действительно чувствовала себя неважно: отечность на лице, бледность, вялые, замедленные движения. Но она могла говорить – и это главное. Для начала она могла ответить хотя бы на самые необходимые следствию вопросы. Врач же, видя, что невольный обман раскрыт, разрешил пятиминутное свидание, но предупредил: желательнее поменьше эмоций. Забрав с собой медсестру, он тут же вышел и затворил дверь.

Щербина достал из кейса бланк протокола допроса. В первую очередь его интересовали все обстоятельства, связанные с утром того трагического дня. Кто звонил? Отчего нервничал супруг? Какова причина ссоры супругов, о которой поведал водитель? Щербина, стараясь быть предельно вежливым, даже ласковым с женщиной, неторопливо задавал вопросы, надеясь, что Вероника Моисеевна откликнется хотя бы на один из них. Для начала. Но она отреагировала лишь на один.

– А разве Сережа жив? Это он сказал, что мы с Васей поссорились? А как он сказал?

Щербина почему-то не решился сообщить о смерти Новикова, сказал лишь, что, по его словам, хозяева появились утром, о чем-то горячо споря, и потом в машине угрюмо молчали. Вот из этого и сделаны выводы.

– А почему вы решили, что ваш шофер погиб? – в свою очередь поинтересовался Щербина.

– Я видела, как он упал, вывалился из машины, как потом закричал Вася... а потом ударило меня...

– Вы не ошибаетесь? Именно в этой последовательности? – насторожился следователь.

– Как я могу ошибиться, если видела... вот этими глазами, – она дотронулась ладонью до лица и замерла на миг. А когда следователь забеспокоился – уж не стало ли ей опять плохо, отняла ладонь и добавила, глядя в потолок: – Вася очень сильно кричал... ему было так больно... мне доктор сказал, что он умер... А как же тогда Сережа? Ведь его – первого, я видела...

Щербина помолчал немного, ожидая продолжения, но Вероника будто отключилась. Тогда он спросил, не знает ли она, угрожал ли кто ее мужу? Женщина медленно перевела на него взгляд и снова промолчала. То, что она уже сказала, было чрезвычайно важно, но – увы! – подтверждало правоту москвича, предсказавшего, как возможный, и такой вариант

развития событий. Щербина вспомнил, что Турецкий также заметил мимоходом, что был знаком с Вероникой Моисеевной, если она – именно та, о ком идет речь. И потому теперь, посчитав, что дело всегда должно быть немного впереди собственного "я", неожиданно для себя сказал:

– А вы знаете, этим делом очень озабочены в Москве и оттуда даже прибыл представитель Генеральной прокуратуры Турецкий Александр Борисович. Вот какие сферы задело убийство вашего супруга. Он и сообщил, между прочим, что был знаком с вами. Это так?

– Александр Борисович... – ответила женщина без всякого выражения. – Передайте, я прошу его приехать. Извините, я очень устала. В другой раз...

– А когда подъехать к вам Турецкому? – Какое-то острое чувство ревности кольнуло следователя.

– Сегодня, конечно... если может.

– Я передам. Вот я тут составил краткий протокол. Почитайте, пожалуйста, и подпишите.

Но женщина смотрела в другую сторону.

– Я устала. Где подписать?...

– До свидания, – сказал наконец Щербина и вышел за дверь, где его ожидал врач.

– Поговорили? – спросил сухо.

– Да. А вот вечером сюда подъедет старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре России, – с непонятным мстительным чувством произнес Щербина. – Мадам его требует, – он церемонно поклонился. – Не смею возражать. Однако чем же вызван ваш легкий обман? – продолжил он, следуя за врачом по коридору.

– Вообще-то это была ее просьба. После известия о смерти мужа. Ни я, ни Иван Иванович, – он имел в виду главного врача, – не возражали и сочли такую просьбу вполне естественной. Вы уж не думайте, что здесь имеет место некий, знаете ли, антигосударственный замысел. А посещение больных у нас прекращается в восемь часов, и никакая там милиция... вы меня понимаете?

– Разумеется. Мы не опоздаем.

Турецкий аж на стуле подпрыгнул, узнав, что Вероника заговорила. Хотел мчаться немедленно, но Щербина запомнил больничный распорядок дня: сейчас обед, потом отдых, затем разные процедуры, а вот незадолго до вечернего обхода можно будет и навестить.

Обычный долг гостеприимства заставил Щербину пригласить москвича отобедать в кафе напротив, куда в это время дня традиционно отправлялась вся прокуратура после того, как приказал долго жить собственный общепит. Невыгодно оказалось кормить народ обедами, вот бутерброды, пиво – это выгодно. Но люди привыкли есть, а не закусывать. Кооперативное кафе отреагировало немедленно: в обеденный час помещение предоставлялось исключительно для обслуживания прокуратуры. Довольны были все: обеды стоили сравнительно недорого, зато и прокурорская «крыша» тоже кое-что значила.

Обедали поначалу молча. Потом Щербина рассказал о реакции Вероники на известие о том, что шофер остался жив. Турецкий, зачерпывая ложкой борщ, рассеянно кивал, чем вызвал даже некоторую обиду Петра Григорьевича. Все-таки новость не из последних. К тому же подтверждала версию москвича. Но слава первопроходца, видимо, не прельщала Александра Борисовича. Глядя на стол, он продолжал думать о чем-то своем и, только покончив с вполне пристойными «домашними» котлетами, сказал:

– Допрашивая Новикова, вы, Петр Григорьевич, несколько раз, я заметил, возвращали его к событиям девяносто третьего года, когда он, по его словам, вернулся домой. Не помните, чем в ту минуту был вызван ваш интерес к этой теме и дате соответственно?

– Да ведь как теперь сказать?... – словно смутился Щербина. – Я вот сейчас скажу, а вы ответите, что, мол, задним умом все у нас сильны...

– Чудак-человек, – засмеялся Турецкий, – это ж уже зафиксировано! Поэтому нечего стесняться. Читая протокол в первый раз, я просто отметил этот факт для себя. А сейчас вижу, о чем вы подумали. Просто молодец! Не считите за комплимент, говорю как коллега. Жаль, что не удалось его тогда размотать на всю катушку. Но ничего, хвостик есть, потянем, как говорится... Значит, Вероника была уверена в его смерти? Очень любопытный поворот темы. Как вам показалось?

– Это, кстати, единственный вопрос, на который она ответила.

– Считаете, чего-нибудь боится?

– Иначе зачем просила врачей продолжать говорить, что она в шоке? А вы, Александр Борисович, видите иную причину?

– Давайте не будем гадать. Ведь ждать осталось недолго.

– Думаете, заговорит?

– Хотелось бы надеяться, – вздохнул Турецкий. – Не обидитесь, если я попрошу вас об одном одолжении?

– В каком смысле? – поднял брови Щербина.

– Она, вы говорите, не встает? Так вот, нам понадобится небольшой диктофон. Если у вас нет, попросите у соседей, как мы их в Москве называем. У вас же работает в бригаде товарищ оттуда? И еще. Руководителем оперативно-следственной бригады были и остаетесь вы. И протокол допроса с одновременной записью на магнитофон ведете также вы. А я буду, с вашего разрешения, вмешиваться, задавать вопросы как бы по старому знакомству. Не возражаете?

Щербина помолчал, упрямо набычившись, и утвердительно кивнул.

Турецкий едва заметно улыбнулся. «Ну все, – сказал себе себе, – Ривочку мы, кажется, уговорили выйти замуж за князя Гагарина, теперь пойдем с той же просьбой к самому князю... Господи, как они все лелеют свои изумительные амбиции! А что поделаешь, надо считаться...»

...Вероника ждала их. Точнее, Александра Борисовича, ему она даже попробовала призывно улыбнуться, но вышла кривая гримаса. При виде же Щербины словно легкая тень скользнула по ее лицу. Турецкий в свою очередь наклонился к ее руке и тронул губами пухлые пальцы, унизанные крупными перстнями, – женщина остается верной себе и на смертном одре. Хотя следовало отметить: до последнего ей было еще ой как далеко. Вид портила, конечно, нелепая повязка, стянувшая затылок. А так – дама хоть куда! Именно это чувство и было написано на лице Турецкого, когда он обзирал несчастную кариатиду, распластанную на больничной койке, явно тесноватой для нее.

– Все еще болит? – спросил, вложив в вопрос максимум сочувствия.

– Теперь уже – душа... – тяжело вздохнула Вероника и сделала попытку подвинуться, якобы предлагая гостю присесть на край кровати. Но Турецкий благоразумно придвинул стул. Кивком предложил сесть и Щербине. Три пышные хризантемы, как знак его особого внимания, он положил на больничную тумбочку.

– Вы понимаете, что мое глубокое сочувствие... – начал он, но женщина перебила:

– Да, да, Александр... Саша, я вам очень благодарна за ваши теплые слова в эти ужасные дни...

«Кажется, мы сделали большущий шаг вперед, – с юмором заметил про себя Турецкий. – Был все-таки Александр Борисович... Вот ведь как может подвести человека память!»

– Что вы, Вероника! – почти с жаром снова откликнулся он на ее столь эмоциональный всплеск. – Я просто счастлив, что вам в этой ситуации так повезло. Врач сказал нам, что вы идете на поправку, рана, слава Богу, оказалась хоть и болезненной, но не очень серьезной. Осталось подлечить – что? Нервы. Правильно. И вы уже в ближайшие дни станете, как прежде, мужественной и красивой!

– Ах, Саша... – томно закатила глаза Вероника.

«А она уже привыкла к новому обращению», – констатировал Турецкий. Видимо, эта страстно дышащая кариатида, какой он запомнил Веронику два года назад в Эрмитаже, ни в чем с тех пор не изменила себе и по-прежнему считает, что больше всего женщину красит некий ореол эдакой мужественной страдальницы. С привкусом горечи – как в хороших французских духах. Кажется, ведь и тогда Вероника пребывала некоторым образом во вдовстве. Значит, нынешний опыт ее – уже не первый. Выходит, девушке не привыкать...

И поскольку ее устраивает именно такая тональность общения, придется построить беседу в этом ключе. Напористо-интимном, хоть и звучит эта формула несколько вульгарно. Еще немного, и, убаюканная сладкими воспоминаниями, она перейдет на «ты». А это уж никуда не годится, никакой Щербина и близко не поверит в чистоту помыслов обеих сторон.

– Вероника, – проникновенно заговорил «важняк», – я не стану повторяться, что, узнав о страшной трагедии, немедленно примчался из Москвы. Ни к чему, возможно, говорить и о том, что в высших государственных сферах, включая окружение самого президента, все были в буквальном смысле потрясены этим наглым убийством. А когда руководитель следственной бригады, чрезвычайно добросовестный следователь по особо важным делам Петр Григорьевич Щербина ознакомил меня со всеми собранными материалами, мы поняли, что главные показания, которые помогут раскрыть преступление, можете дать только вы одна.

– А разве Сережа?... – отчего-то забеспокоилась Вероника, но Турецкий четко вел свою линию:

– О шофере разговор особый. Кстати, как он вам?

– В каком смысле? – словно запнулась Вероника.

– В профессиональном, – чуть улыбнулся Турецкий. – Он же, как я догадываюсь, был и водителем, и тело-хранителем, – не отказал себе в мелком удовольствии Александр Борисович, произнося слово как бы раздельно, – вашего супруга?

Но Вероника была занята чем-то своим и не обратила внимания на своеобразный юмор Турецкого.

– Да, я чувствую всем сердцем, – в голосе ее снова возник надрыв, – что должна рассказать вам о...

Она вдруг повернула голову к Александру Борисовичу, сидящему справа от кровати, и опасливо повела глазами в противоположную сторону, где находился Щербина. Турецкий понял ее немой вопрос.

– Можете говорить все, что пожелаете, совершенно открыто, – сказал он убежденно. – Петр Григорьевич, когда того требует дело, нем как... ну вы понимаете.

Едва не вырвавшееся сравнение чуть не испортило всю игру.

– Я верю вам, Саша, – успокоилась Вероника. – Знаете, я все думаю... Мне сказал ваш товарищ, – она, не поворачивая головы, показала рукой на Щербину, – что Сережа жив.

– Он не был убит в той машине, в которой вы ехали с мужем, – уклончиво ответил Турецкий. – Его допросили. Имеются официальные показания. Но мы... нашли в них необъяснимые противоречия. Думаю, что разъяснить нам их сможете только вы одна. Я могу задать вам несколько вопросов?

– Я готова рассказать...

– Личная наша просьба, Вероника, – Турецкий даже руку к сердцу прижал.

– Для вас, Саша... – попробовала улыбнуться женщина.

– Я понимаю, что сейчас вам тяжело будет все вспоминать и рассказывать. Но наше дело требует в обязательном порядке фиксировать буквально каждое слово, и процедура эта долгая и утомительная. Мы хотели бы, параллельно с протоколом допроса, записать его на магнитофонную ленту. Так мы сможем не слишком вас утомить. А повторные допросы, если

в них появится нужда, провести после вашего выздоровления. Тогда, если не возражаете, начнем, поскольку времени у нас в обрез. Петр Григорьевич, прошу вас, приступайте.

И пока Щербина наговаривал в микрофон портативного диктофона «Сони», что допрос гражданки такой-то проводится в больничной палате с ее согласия следователями такими-то, с перечислением полных чинов, Турецкий, внутренне усмехаясь, ожидал, не забыл ли Петр Григорьевич о тех вопросах, которые они обговорили в машине, направляясь сюда.

– Все, – сказал Щербина, – начали. – Итак, имелись ли какие-то обстоятельства, которые могли насторожить вас или вашего супруга в дни, предшествующие... трагедии?

– Да.

– Что это за обстоятельства?

– Все... Василию Ильичу угрожали.

– В чем состояла угроза и как она звучала? Разумеется, если вы в курсе дела.

– В последнее время, как я слышала во время его разговоров... Он много говорил по телефону, приходил домой поздно, ложился вообще... когда как, даже под утро, хотя уставал... Я это видела...

– А с кем он беседовал по телефону? – Турецкий поспешил отвлечь женщину от вполне справедливой обиды на невнимательного к ее прелестям мужа. – Вам знакомы эти люди?

– Конечно. Из Смольного звонили, из порта... Я ж и говорю, что в последнее время вокруг проклятого порта только и шли эти... толковища.

– Это ваш муж так говорил? – продолжал Щербина.

– Ну да, Вася... Говорит... О Господи! – вздохнула Вероника. – Это же не переговоры, а самые натуральные толковища! А что – это плохо?

– Да уж чего хорошего... А о чем должны были идти переговоры?

– Так все о том же порте. Там много каких-то предприятий, я не знаю, то ли аукцион, то ли еще что-то... Все звонили, требовали, а он говорил: не имеют морального права. Он ведь открытый мужчина был, поверьте мне. Если скажет «нет», даже во вред себе, от слова не откажется...

Турецкий выразительно посмотрел на Щербину, и тот кивнул, быстро записывая в бланк допроса.

– Вы говорите, что были и откровенные угрозы? Как они звучали? – снова вмешался Турецкий.

– Ах, Саша, – даже застонала Вероника, – мне и вспоминать-то страшно, не то что говорить!

– А вам сейчас уже нечего бояться. Вы, Вероника, ко всем этим «мужским» делам никакого отношения не имеете. Мы примерно догадываемся, о чем шла речь, какие требования и просьбы высказывались вашему супругу. Да, Петр Григорьевич? И разберемся в этих проблемах сами. Но мне все же хотелось бы повторить наш вопрос.

– Так возьмите и сами послушайте, – устало сказала Вероника.

– Как же мы можем это сделать? – удивился Турецкий.

– Очень просто, – безразлично ответила она, – поезжайте к нам домой... ко мне, – грустно поправила она. – У Васи разговоры записывались на такую штуку, – она покрутила пальцем, а потом показала на диктофон, который держал в руках Щербина. – Нет, это было ужасно! Особенно последний...

– Когда он состоялся? – быстро спросил Петр Григорьевич.

– Боже мой! Да как раз в то утро!... Мы уже выходили. Тут звонок. Вася кричит мне: «Возьми трубку! Скажи – выезжаю!» Я, конечно, поднимаю, вежливо говорю «Алло» и вдруг слышу такой отборный мат, что мне стало просто страшно! Как он кричал! Как угрожал! И это его хамское: слушай сюда! А дальше такое, что я не могу передать...

– Успокойтесь, Вероника, дорогая... – Турецкий взял в руки ее пухлую, дрожащую, словно студень, ладонь и стал нежно гладить. – Сейчас-то не стоит волноваться. Ну – хам! Ну – матерщинник! Так они ж все такие, по Эрмитажам не ходят, куда им! А хотел-то он от вас чего?

– Я потом только поняла, что это он не мне кричал, а мужу, Васе. Я ж от ошеломления, от отупения какого-то и слова вымолвить не могла. А он – орал. Грязно, пошло, о Боже!

– Вы говорите, что все это может быть записано у вас на телефонной приставке? – с интересом спросил Щербина.

– Наверное. Если никто не стер. Я не знаю, был ли кто-нибудь у нас дома в эти дни... Может быть, сестра Васина приехала. Она в Луге живет. А ко мне ведь никого не пускали.

– У нее есть ключи от вашей квартиры?

– Может быть... у нее своя комната. Я... у меня были сложные отношения с Васиной семьей.

– Это понятно, – заметил Турецкий, предполагая, что вольнолюбивая и весьма жизнедеятельная Вероника, какой она запомнилась по Эрмитажу, не потерпела бы над собой ничьей власти. Но ведь что-то же связывало ее с супругом?... Александр Борисович снова сделал знак Щербине отметить данный факт. Странно, кстати, что среди документов дела не было протокола обыска, осмотра, просто посещения, черт возьми, квартиры погибшего вице-губернатора. Почему? Ладно, подумал, позже объяснит Щербина.

– Пойдемте дальше, Вероника Моисеевна, – мягко сказал Щербина. – Итак, вы выслушали вылитую на вас мерзость того хама. Но он чем-то угрожал? Как?

– Он сказал... ну, в общем, я поняла так, что если Вася чего-то не сделает, о чем ему было сказано, то он может заказывать себе музыку, поскольку его это... отоварят или глушанут, да, именно так, по первому разряду... это так ужасно!

– Глушанут, вы сказали? – вскинул брови Турецкий и обернулся к Щербине: – Надо немедленно услышать этот голос. Дальше, Вероника. А что вы сказали мужу?

– Я? Я... зарыдала... А когда он начал надо мной смеяться, вспыхнула и закричала на него... в общем, плохо. Он тоже был в напряжении. Не помню, что ответил, но – резкое, злое. Я сказала, что больше без охраны ездить с ним не стану. А он ответил... – Вероника всхлипнула, прижав ладони к глазам.

Турецкому не потребовалось много сообразительности, чтобы понять, куда, вероятно, послал свою сердитую супругу Василий Ильич.

Из дальнейших всхлипываний, перемежавшихся короткими фразами, стало ясно, что никакой охраной Михайлов вообще старался не пользоваться, а к многочисленным угрозам, в том числе и телефонным, относился равнодушно. Или казался таковым. Но в этот, последний день своей жизни он все же, видимо, внял мольбам Вероники и, сев в машину, сказал Сереже, водителю – как телохранителя он не принимал Новикова всерьез, чаще подшучивая над ним, – словом, предложил на этот раз изменить маршрут. Поехать на работу любым другим путем. На что Новиков быстро согласился и тут же объяснил, что свернет с улицы Рубинштейна на Невский проспект именно в том месте, где поворот запрещен. Всем остальным, но не правительственной машине. И тогда Василий Ильич обернулся к жене и миролюбиво сказал: «Ну вот, можешь не волноваться. И прекрати истерику». Это были его последние слова, после которых он молчал... до самой, – тут Вероника снова зарыдала и выдавила из себя с трудом: «До самой смерти...»

Турецкий подал ей стакан прозрачного виноградного сока и помог сделать несколько глотков, придерживая ее за шею. Наконец Вероника успокоилась. Вытерла глаза и попросила Александра Борисовича достать из тумбочки ее сумку. Открыла, вынула оттуда связку ключей и сказала:

– Вот, пожалуйста, если вам надо.

– Спасибо, – кивнул Турецкий. – Это избавит нас от необходимости вскрывать дверь. И еще вопрос, если можно. И если вы не устали. Кстати, – он взглянул на часы, – у нас уже и времени в обрез. Скажите, муж не говорил вам, что собирается заехать в прокуратуру?

– Ах да, что-то такое было, – рассеянно ответила Вероника. – Вероятно, это было связано с тем, что она, прокуратура эта, занимается какими-то делами, связанными с безобразиями при бывшем мэре.

– А к кому собирался, не помните?

– Нет. Он был очень занятой человек и вряд ли отправился бы к какому-нибудь рядовому сотруднику прокуратуры. Выбрал бы минутку и пригласил к себе в кабинет. Разве что к самому прокурору города?

Вероника по-своему толковала пост супруга. В ее голосе просквозили неожиданно барственные нотки. А что говорить – жена вице-губернатора! Это тебе не хухры-мухры! Не просто зам по связям с общественностью, хоть и самого директора Эрмитажа, – так ведь, кажется, называлась ее прежняя должность...

В палату заглянула медсестра и, укоризненно покачав головой, выразительно ткнула пальцем в свои наручные часики. Турецкий все понял, закивал и показал девице два пальца – просьба еще на две минуты. Тут же без перехода сказал Веронике, что время у них истекло, но совершенно необходимо зафиксировать точную последовательность всего происшедшего в машине. То есть все то, о чем она ранее рассказала Щербине.

Слезы уже высохли, и Вероника почти бесстрастно повторила уже известное им. Важно было просто зафиксировать все сказанное на магнитофонной ленте. После этого Щербина положил ей под руку листы протокола, где было сказано, что все записано правильно. Из-за недостатка времени не стали прокручивать ленту заново, да эта важная, в общем, формальность пока могла подождать. Вероника без колебания поставила свою подпись в конце нескольких страниц протокола.

Затем, просительно глядя Турецкому в глаза, умоляющим голосом больного ангела напомнила о его давнем обещании не забывать ее и вообще навестить поскорее. Он дал твердое обещание – просто не мог бы в данной ситуации поступить иначе.

РОКОВОЕ ДЕЙСТВИЕ АУДИОКАССЕТЫ

Щербина не оправдывался, хотя прекрасно понимал, что в свете рассказанного Вероникой Моисеевной упущение с квартирой Михайлова было серьезным. Но... тому были свои причины. Петр Григорьевич начал долго и нудно объяснять Турецкому, что по данному поводу собрался чуть ли не весь городской синклит, где присутствовал и Маркашин и где было решено осмотр и обыск в квартире отложить на несколько дней, до выздоровления хозяйки. Аргументы приводились самые разные, но главным было то, что в домашнем сейфе Михайлова могли храниться документы, не подлежащие огласке. В этой связи общим решением было поручено оперативно-следственной бригаде в присутствии ряда ответственных лиц, а также супруги покойного произвести вскрытие сейфа и проследить, чтобы не произошло утечки информации. Какие, скажите, после всего этого можно предпринимать действия?...

– А в каком состоянии квартира в настоящее время? – как бы нехотя поинтересовался Турецкий.

– Заперта на сто замков. Вы ж видите, сколько ключей на связке? Все – сейфовые.

– А как же сестра Михайлова? – начиная раздражаться, продолжал Турецкий. – Это же, насколько я понял, и ее дом? Или по решению вашего городского синклита всем проживающим в квартире доступ в нее отныне закрыт? Так, что ли?

– Вы задали вопрос, на который лично у меня ответа нет, – сухо ответил Щербина.

Похоже, что контакт с ним терялся, и это было очень плохо.

– У меня есть другое предложение, – миролюбиво после недолгих раздумий сказал Турецкий. – Давайте позвоним, может, сестра все-таки приехала. Да и похороны Михайлова, насколько я могу догадываться, не отменяются. Если ответит, представимся и попробуем изъять, с соответствующими формальностями и опираясь исключительно на показания вдовы, нужную нам кассету. Если же квартира пуста, мы попросим Маркашина дать санкцию вскрыть квартиру, произвести обыск и изъять кассету в качестве необходимого следствию вещественного доказательства. Такой вариант устраивает?

– Далась вам эта кассета! – буркнул Щербина.

– Не понял, Петр Григорьевич, – не поворачиваясь к собеседнику, жестко сказал Турецкий. – У вас имеются веские соображения против?

Щербина промолчал.

– В таком случае давайте остановимся у ближайшего телефона-автомата. Номер помните?

– Он в деле, – хмуро ответил Щербина, и Турецкий увидел, как на шее молодого следователя выступили малиновые пятна. Значит, ему еще свойственно чувство стыда, подумал Александр Борисович, но отказался от снисхождения.

– Жаль. Я бы такой номер телефона постоянно в голове держал. Что ж, едем в прокуратуру. Начнем танцевать от печки. – И отвернулся.

Щербина словно бы помедлил и, вздохнув, тронул машину.

Все оказалось достаточно просто. Квартира опечатана не была, поскольку днем, буквально через несколько часов после убийства брата, но еще, разумеется, ничего об этом не зная, из Луги, от дочки, вернулась Настасья Ильинична. О смерти Василия она узнала из вечернего сообщения «Петербургских новостей». Очнувшись после обморока и приняв солидную дозу валерьянки, валокордина и еще черт-те каких лекарств, принялась она названивать по немногим известным ей телефонам. Но, кроме сказанного по телевизору, никто так и не смог ей ничего толком объяснить. Только на другой день, дозвонившись до мэрии, смогла узнать, наконец, в каком морге находится брат и в какой больнице раненая невестка.

Сказали также, чтоб о похоронах она себе голову не ломала, брат был государственным человеком, оно о нем и позаботится, ну а об остальном известят. В том смысле, когда похороны.

К невестке, к Веронике Моисеевне, Настасью не пустили, сказали, еще рано. А про брата все молчат, хотя время идет и, по православному обычаю, пора бы уже тело предать земле.

Все это Настасья Ильинична, оказавшаяся женщиной общительной и разговорчивой, одним махом сообщила Турецкому. Начал-то разговор Щербина, а потом охотно передал трубку Александру Борисовичу. Он заварил кашу, вот пусть, мол, сам потом и расхлебывает. Умыл руки молодой питерский следователь, ввязываться в крупные игры с начальством – не в его интересах. Да и не по чину, если быть честным перед собой.

Турецкий же, побеседовав с пожилой, видно, женщиной и сообщив ей, что Вероника уже пришла в себя и ее можно навестить, на что сестрица, заохав, решила, что надо бы сбежать к невестке-то, покушать принести домашнего, сказал, что торопиться не нужно, а вот он, с ее разрешения, подъехал бы, чтоб решить один небольшой, но очень важный вопрос. Возражений не последовало, и Турецкий обернулся к Щербине: как он, намерен сопровождать?

Следователь помялся и заметил, что, наверное, было бы правильно поставить об этом в известность руководство. Турецкий на это возразил, что никаких постановлений петербургского правительства ни отменять, ни нарушать не собирается. Тем более – производить теперь без необходимых санкций вскрытие чужой квартиры. Он предлагает навестить вполне конкретную гражданку Михайлову, или как там ее, Настасью Ильиничну, чтобы допросить ее и произвести в ее присутствии выемку вещдока. Есть ли тут какое-то нарушение? Чрезмерный формализм, добавил он, чаще всего губит дело.

– Захватите лучше бланки протокола о производстве выемки, – и добавил больше для себя самого: – Если нас никто не опередил.

После этого он позвонил Гоголеву.

– Виктор Петрович, личная просьба, подкинь, пожалуйста, по адресу... – Турецкий продиктовал адрес Михайлова, – хорошего специалиста-технаря, чтоб с телефоном повожился. На часок, не больше. Мы сейчас со следователем туда подскочим, есть желание одну мысль проверить. Сделаешь? Спасибо... Ну, вы как? – с усмешкой взглянул на Щербину. – Решились? Нет?

– А! – с каким-то веселым отчаянием вдруг махнул тот рукой. – Поехали!

– Вот и правильно, семь бед – один ответ...

Настасья Ильинична оказалась действительно женщиной пожилой, но достаточно бодрой для своих шестидесяти с чем-то лет, а уж сообразительной, так совсем по-молодому. Все поняла буквально с двух слов, провела в кабинет брата и показала на аппарат. Сообщила также, что обучилась им пользоваться – включать, выключать записи звонков и разговоров, – а вот стирал все записи сам брат. Без него никому не позволялось. Это, последнее, вселяло надежду.

Приехавший специалист вообще не нуждался в объяснениях. Он быстро перекрутил пленку и включил воспроизведение записей.

Послышался глуховатый голос, спрашивающий, кто звонит. Турецкий, скосив глаза на женщину, увидел, как она вздрогнула. И было от чего: вот так, неожиданно, после смерти брата услышать вдруг его голос... Далее пошел деловой разговор о каком-то совещании, назначенном в неудобное для собеседника время. Михайлов лениво отшучивался, абонент напирал на то, что будет отсутствовать Игорь Васильевич. Турецкому-то было все равно, зато он увидел достаточно заинтересованный взгляд Щербины, похоже, знал, о ком речь.

Потом последовали еще два-три ничего особо не значащих для Турецкого разговоров. Из всего сказанного он понял лишь одно: все эти звонки были утренними. Значит, вечерние и более ранние Михайлов стер. Жаль, там могла быть интересная информация...

И наконец... Александр сразу узнал протяжное «Алло» Вероники и сделал знак технику остановить воспроизведение.

– Настасья Ильинична, – повернулся он к женщине и, взяв ее под локоть, повел к двери, – я уже знаю из рассказа Вероники Моисеевны, о чем пойдет дальше речь. К сожалению или к счастью – это не для женских ушей. Я прошу вас не заставлять нас, мужиков, краснеть перед вами. Через минуту я вас приглашу.

Он закрыл дверь и кивнул специалисту: включайте.

Вероника была права: редкой женщине дано выслушать подобное. Но занимало его сейчас совершенно иное – голос, интонации, слова. Да, уже после нескольких матерных фраз Турецкий отчетливо узнал этот наглый тон, этот дебильно-яркий словарь. Именно этот человек, которого Рафалович назвал Рыжим, примерно в таком же духе «беседовал» с Турецким вчера ночью, и теперь Александр Борисович слышал, какой ушат с дерьмом был предназначен вице-губернатору. Хорошая получилась запись. Качественная. Ефим Юльевич будет некоторым образом шокирован. Цены нет этой записи.

– Ну, все, – махнул рукой Турецкий, не дожидаясь окончания «монолога». – Настасья Ильинична, можно вас попросить? – и когда женщина вошла, закончил: – Как я и предполагал, это именно то, что нам позарез необходимо. Петр Григорьевич, оформите протокол изъятия вещественного доказательства. А вы, Настасья Ильинична, сделайте одолжение, попросите зайти на минутку парочку ваших соседей. Чтоб все было по закону.

По просьбе Турецкого специалист развинтил и проверил аппарат, так сказать, «на вшивость», но ничего, слава богу, не обнаружил. Пока он этим занимался, «важняк», отведя Щербину в сторону, предложил ему дать задание криминалистам внимательнейшим образом «прокачать» с той же целью расстрелянный автомобиль Михайлова. На недоуменный взгляд следователя негромко ответил:

– Может быть, вам еще не приходилось иметь дело с подобной техникой, а у меня имеется опыт на этот счет. И довольно горький.

Надо сказать, что на следующий день, когда Щербина вспомнит совет Турецкого и направит в спецгараж криминалистов, те спустя какой-то час сообщат, что ими обнаружено довольно чувствительное «изделие», вмонтированное в спинку переднего правого сиденья. Того, где, вопреки правилам, предпочитал сидеть хозяин автомобиля. Данную находку Турецкий просто примет к сведению, поскольку лично для него она особого интереса уже представлять не будет...

Но все это произойдет завтра, во второй половине дня. А сейчас, завершив дела и извинившись за беспокойство, Турецкий, Щербина и специалист из ГУВД отправились в угрозыск к Гоголеву, который уже ждал их.

Пленку прокрутили дважды. Со стороны вполне могло показаться, что в кабинете собрались лингвисты – знатоки нецензурной лексики – так внимательно слушали они запись площадной брани, перемежаемой угрозами. И уж вовсе противоестественным было то обстоятельство, что этот бред, эта разнузданная матерщина, вопреки своему назначению, вливалась, по идее, в женское ухо. А впрочем, кто знает? А ну как эти «криминальные психологи» рассчитали таким образом, что на мужчину подобное подействует вряд ли, поскольку не впервые, да и уровень, мягко выражаясь, примитивный, зато на женщину такой обвал может и вправду подействовать сокрушительно...

Турецкий же слушал, стараясь уловить уже знакомые интонации, и все больше убеждался, что этот самозабвенный монолог и то, что он сам слышал в свой адрес, произнесены одним лицом. Да, ошибки тут быть никак не должно.

– Нужен старик, – как бы подводя итог, сказал Александр Борисович.

– Ошибки нет? – почти не сомневаясь, тем не менее переспросил Гоголев.

Турецкий отрицательно покачал головой.

– Хорошо, сделаем. Где и когда?

– К твоей «конторе», Виктор Петрович, – улыбнулся «важняк», – по его словам, у него идиосинкразия. А может, все-таки попробуем? Раз уж он имеет возможность позволить себе, ни перед кем не отчитываясь, пригласить в свою машину важного представителя Генеральной прокуратуры, это я его почти цитирую, отчего бы ему вот так же, свободно, без, так сказать, предрассудков не заскочить к знакомым в угрозыск? Посидеть, чайку попить, поговорить за жизнь. Именно попросту, без осложнений, да хоть и под мое честное слово, а? Или лучше все-таки на нейтральной земле? Где цветы необычайной красоты? Так?

– Давай попробуем. Приглашу – откажется, пусть дает свой вариант.

Щербина видел, что вокруг него происходят какие-то чрезвычайно важные вещи, но, не понимая их сути, обиженно помалкивал, а старшие товарищи не спешили почему-то вводить его в курс дела. И это было очень заметно со стороны. Турецкий и не торопился. Он делал это сознательно, поскольку прежние его подсказки немедленно вызывали у молодого следователя реакцию отторжения, и только позже тот начинал думать и соглашаться. Без конца так нельзя, надо, хотя бы слегка, и по носу щелкнуть. Шарик быстрее завертятся. К тому же Турецкий еще не решил, стоит ли приглашать Щербину на разговор с Рафаловичем. Гоголев – нужен. Он свой, а разговор с Рафаловичем будет очень неприятным для последнего. Так надо ли осложнять и без того напряженную атмосферу? Старик наверняка замкнется, станет все отрицать, жать на него нет объективной причины. Конечно, проще всего было бы произвести экспертизу по голосу, арестовать Рыжего и прижать его к стенке. Но что ему предъявлять? Хамство, телефонные угрозы? А утренняя запись есть? Записи нет. Не с чем и сравнивать. Зато имеется сам факт узнавания, и если все будет обсуждено в очень узком кругу – Гоголев когда-то гонял тамбовских, Рафалович помнил отчима Турецкого, а сам Александр Борисович только опознал голос Рыжего, – ну, куда от всего этого денешься? Поневоле придется подробно обсудить ситуацию.

К тому же за стариком – важные сведения по Новикову, а такие вещи можно делать только добровольно. В его-то возрасте и положении. И он это сам прекрасно понимает...

Все, решено, Щербину надо отправлять отдыхать, или куда он там хочет. До завтра. Если он достаточно умен, будет молчать об услышанном здесь, в кабинете. Если же карьерные соображения возьмут верх, наверняка позвонит Маркашину, выдаст информацию.

Ну и пусть, в конце концов, Рафалович в настоящий момент – самое нужное, в его руках концы этого тухлого дела. Так Александру подсказывала интуиция.

– Петр Григорьевич, – решительно встал Турецкий, – я вас сегодня, кажется, совсем замотал. – А у вас ведь наверняка масса других неотложных дел. Давайте расстанемся до завтра. Копию с этой пленки я попрошу снять и передам ее вам. По поводу всякого рода встреч пусть уж решает Виктор Петрович, а я сделаю отсюда пару звонков в Москву и отправлюсь на боковую. Значит, до утра? – сказал так, что и возразить ему было бы неудобно.

Щербина это понял и, простившись кивком, уехал в прокуратуру.

– Не жестко с ним? – поинтересовался Гоголев, когда с пленкой в руках вышел и криминалист. – Может, попить чего? Чаю, кофе?

– Я б с удовольствием чего и покрепче, но давай сперва договоримся со стариком... А с этим – нет, не жестко. Он же ни разу по сути не спросил: почему, зачем, откуда известно? У него давно сформировалось собственное мнение, и другие его попросту не интересуют. Они ему жить спокойно мешают. Да ведь и мне, Петрович, лавры совсем не нужны, все ж ему оставляю. Кроме того, про что наш общий друг и приятель сказал: своих не выдаем. Какими бы они ни были. Ну давай звони, а там решим, чего нам стоит выпить – кофе, чаю или...

Первый вариант Рафалович отверг сразу и безоговорочно. Предложил ресторан в гостинице «Нева». Отдельный кабинет. Все гарантируется. Вроде бы как компенсация.

– Это далеко? – спросил Турецкий у Гоголева.

– Рядом. По Литейному до Чайковского и еще три шага. Согласовано, Ефим Юльевич, – сказал в трубку. – Ваше время?... Идет. Вместе с вами – три персоны. – И засмеялся, глядя на Турецкого. – Насколько я понимаю в апельсинах, водку, уважаемый... Договорились... Извини, Александр Борисович, – продолжил, кладя трубку, – но настырный дед все-таки старой закваски. Я, говорит, привык так, чтоб к приходу гостя стол был накрыт. С соответствующей закуской. Впрочем, может, ты предпочитаешь коньяк? Переиграть не поздно.

– Пусть будет водка. Тем более с соответствующей закуской. Страсть как соленья захотелось...

Рафалович выглядел весьма респектабельно. В темном двубортном костюме, при скромном галстуке и того же сиреневого цвета платочке в верхнем кармашке пиджака он вполне сходил за стандартно известного профессора – вообще профессора, неважно, каких наук. И даже греко-израильский нос его выглядел солидно.

Он был радушен, но в меру. Сразу подошедший бесшумный официант, предупредительно обернув запотевшую бутылку водки салфеткой, разлил по рюмкам, приветливо кашлянул и удалился, предоставив гостям самим заниматься своим делом.

Рюмки были подняты и выпиты без необходимой в других ситуациях торжественности, но с достоинством: «Ваше здоровье... благодарю, ваше...» Придав лимонной долькой маленький кусочек семги, Ефим Юльевич отправил его в рот и почти незаметным движением отложил вилку.

– Кушайте, прошу вас, господа. У вас же весь божий день всухомятку. А от подобной пищи обязательно портятся желудок и характер.

– Вы говорите как профессионал, – улыбнулся Гоголев.

– А то? Я вам скажу: если бы не благословенные, но, увы, слишком короткие неповские годы, когда мой уважаемый папаша успел дать подходящую закуску быстро растущему организму своего сына, где бы я был с той баландой, которой меня весьма охотно кормило уже государство! Не знаете? Так вот, и я тоже не знаю. Кушайте, кушайте на здоровье!

И Турецкий с Гоголевым с большим удовольствием отдавали должное «русскому» столу Рафаловича. А старик тонко чувствовал атмосферу, слегка балагурил, вспоминая прошлое, но все это звучало, как смешные байки из чужой жизни, к которой сам он не имел ни малейшего отношения. И когда с закусками было, в общем, покончено, а три необходимых, так сказать, официальных рюмочки уютно улеглись, где им было положено, укрытые причудливым ковром, сотканным из многочисленных даров российских рек и лесов, Ефим Юльевич, видимо, решил, что преамбула удалась и можно сделать краткий перерыв для мужского разговора. Он замолчал и с выжидательным интересом посмотрел на одного, а затем на другого своего гостя.

Турецкий с самого начала понял, что никакая хитрость со стариком не пройдет: он видит все на два аршина под ногами собеседника. И потому решил «открыть забрало».

– Знаете, конечно, анекдот про две новости – плохую и хорошую? – и после того, как старик с улыбкой кивнул, сказал: – Начну, как положено, с плохой. На телефонной приставке бывшего вашего «вице» оказалась запись, скажем так, монолога одного хулигана. Обычное дело – матерщина и угрозы «глушануть козла», как выражается некоторая часть современной молодежи. Все бы, как говорится, ничего, да есть заковка, Ефим Юльевич. Запись произведена примерно за час до убийства Михайлова, а голос хулигана я узнал. Опять, понимаете ли, известный вам Рыжий. Прямо не знаю, что делать.

– Вы в этом твердо уверены? – без всякого юмора спросил старик.

– Я прихватил копию записи. Прошу, – Александр Борисович протянул Рафаловичу кассету, куда была переписана «речь». – Можете сами прослушать на досуге. Хотя, уверяю, удовольствия она вам не доставит. Так мне кажется. Но вот вопрос в этой связи: картинка-то складывается очень нехорошая, поскольку дискредитирует уверения, – Турецкий посмотрел

в упор на старика, – некоторых людей, на мой взгляд, заслуживавших, как мне было сказано нашим общим знакомым, доверия. Что посоветуете, Ефим Юльевич?

Рафалович взял кассету, повертел ее перед глазами, зачем-то посмотрел на просвет и сунул в боковой карман пиджака.

– Вернемся к этому вопросу чуть позже. Я должен обдумать ответ.

– Хорошо, – кивнул Гоголев, и старик быстро, с легким прищуром взглянул на него. – Но имейте в виду – оригинал этого текста уже приобщен к делу.

– Я понял. Вернемся к нашим баранам. Итак, вас интересует, что мог накопать за неполный рабочий день один старый и почти немощный старик? – К Рафаловичу возвращалось чувство юмора. А может, оно и не покидало его? – Так я скажу: кое-что накопал-таки. Слушайте, как говорится, сюда... – Турецкий с Гоголевым переглянулись. – Нужный вам Сергей Митрофанович Новиков, семьдесят первого, если не ошибаюсь, года рождения и происхождения местного, питерского, после смерти матери в семнадцатилетнем возрасте выехал в Москву на подвиги. Ну вы помните: Горбачев, перестройка, общество «Память», Россия – русским и все тому подобное. Восьмидесятые – начало девяностых. Это уже стало скучно. Но юноша нашел свое призвание – «Бей жидов!». Но так как в столице этот номер не проходил и все кончалось одними угрозами, он с друзьями-приятелями отправился на юг, в Молдавию. Какая разница, кого бить? Это я так, вы меня понимаете, за него думаю. Может быть, у него что-то было иначе. Обрато в Москву вернулся с головным ранением уже немного другой человек. Он, извините, покушал крови. Истинные патриоты, среди которых он находился, были во время вот той страшной стрельбы в вашем, – старик ткнул пальцем в Турецкого, – Белом доме. Если вы, молодые люди, читали газеты, то помните, что стреляли по живым мишеням с обеих сторон, причем ни одного снайпера из Белого дома так и не взяли. Они все ушли. Помните, рассказывали? Подвалы, подземные ходы, люки на Красной площади – сказки, одним словом. Но ведь ушли? Этот Новиков появился в родном доме сразу после той стрельбы. Нет, лично я ничего не хочу сказать о нем плохого, я его не знал. Его принял к себе в «Марс» Юра Кожухаров, кличка, извините, Кожа. Ну да, особого ума тут не надо, – ухмыльнулся Рафалович и исподлобья оглядел слушателей. – Я думаю, вам уже интересно? Ну да, и у меня когда-то была кликуха, знаете какая? Фима. Так вот, у Юры Новиков прошел хорошую школу и даже получил персональную лицензию охранника-телохранителя. «Марс» перестал существовать три года назад, народ ушел в другие, как они говорят, ЧОПы – частные охранные предприятия, большинство по своей квалификации стали личками, то есть личными телохранителями. Новикова, кстати, так говорят, взял к себе сам Михайлов. Все с этой стороны.

– А что, есть и другая? – с улыбкой спросил Турецкий. Его интересовали не только сама информация, но и забавляла форма ее подачи.

– И я таки думаю, что именно другая сторона дела вам будет нужней. Ну так вот, недавно, недели две назад, Новиков взял себе недельный отпуск и ездил в Москву. После возвращения неоднократно встречался и пьянствовал с ребяташками Касыма. Виктор Петрович знает, про кого речь, – уточнил он Турецкому. – Напоминаю тем, кто забыл, что все, касаемое «Марса», имело свое происхождение среди «завязавших» тамбовских. Так что теперь свой интерес вы вполне можете иметь среди наших бывших заклятых друзей, чтоб им ни дна ни покрышки. Да, и еще один момент. Как мне стало сегодня известно... – Рафалович снова обвел взглядом своих гостей. Из моих личных источников... Новиков приказал всем нам долго жить? Или не так?

– Абсолютная истина. Как и то, что мы здесь сидим, – подтвердил Турецкий.

– Тогда, может быть, говоря о хорошей вести, вы имели в виду эту? – Старик сложил губы в иронической ухмылке.

– Скажу так, – ушел от прямого ответа Турецкий, – этот факт и облегчил, в некоторой степени, нам поиск, и затруднил, ибо лишил, как мне сейчас совершенно ясно, самого важного свидетеля. Трудно эту весть назвать хорошей, Ефим Юльевич.

– Так что ж вы тогда имели в виду?

– Я подумал так, что в связи с получением нехорошей вести... Вы, надеюсь, передали этому нахальному Рыжему, что я его извинил? И ему действительно было приятно, да?... Так вот, я полагал, что первую весть с лихвой компенсирует вторая: у вас есть великолепная возможность убедить любое лицо, которое вдруг заинтересуется этим вопросом, в своей абсолютной непричастности к данному делу. Разве это такая уж плохая весть?

– А вы очень хитрый молодой человек, – без улыбки сказал Рафалович. – Я должен подумать и над этим... Вы, надеюсь, не обидитесь, если я вас на минутку оставлю? Я хочу сделать пару звонков. Жизнь есть бизнес! А моя жизнь – тот еще бизнес! – Он подмигнул, поднимаясь из-за стола. – Кушайте. Я сейчас прикажу подавать горячее...

Турецкий с Гоголевым медленно шли по ночному городу.

Рафалович уехал в своем роскошном «мерседесе», гостеприимно предложив гостям развезти их по домам. Но они отказались, решив пройтись, благо жили неподалеку.

Было довольно прохладно. Даже холодно, но, к счастью, без дождя и ветра. Шагали, размышляя над словами старика. Не было никакой уверенности, что Рафалович окончательно и навсегда порвал с криминалом – этого ему попросту не позволил бы сделать его собственный «тот еще бизнес». Но в разборках и тем более стрелках он, конечно, не участвует. Но почему бы ему не занимать такую элитарную должность в воровской иерархии, как «смотрящий»? Или хранитель «общака»? Роль судьи или банкира ему очень подходит. Не стесняется он и контактов с работниками правоохранительных органов, что говорит также о его достаточном авторитете. В определенной среде. Кстати, ведь и Грязнов, давая на старика наводку, просил не расшифровывать его. Поэтому поступили несомненно правильно, не пригласив с собой Щербину. Еще неизвестно, как повернутся дальнейшие события. А ради чьих-то амбиций рисковать ценной связью не стоило.

Турецкий подумал о том, что надо бы подбросить в Москву новые факты из биографии Новикова, он наверняка хорошо светился в националистических организациях, значит, и материал на него найдется.

Из рассказа Рафаловича, если отнестись к нему с доверием, следовала и хорошо просматриваемая связь заказа на убийство вице-губернатора с чьими-то, вероятно, сильно нарушенными интересами в московских кругах. Именно то, в чем как-то интуитивно и был уверен Александр Борисович...

Вернувшись к горячему – нежной ягнятине в жаровне, – Ефим Юльевич, значительно поиграв бровями, вдруг сообщил, что его уточнение, ради чего он, собственно, и ходил к телефону, состоит в том, что заказ был-таки сделан в Санкт-Петербурге, но его подтверждение пришло из Москвы. Оттуда же прибыли и исполнители. Они уже покинули город. Но концы, коли есть охота, можно поискать там же, куда ездил недавно Новиков, то есть... Тут старик многозначительно развел руками. Ну что ж, намек его был более чем ясен.

Турецкий вовсе не собирался углубляться в те, как видно, неразрешимые легитимным путем экономические проблемы города, жертвой которых стал вице-губернатор. Пусть этим занимается Щербина. Но теперь получалось так, что именно от стараний и настойчивости молодого питерского «важняка» будет зависеть один из главных вопросов: на чем, в конце концов, наивысшем интересе споткнулся Михайлов. Кто раздавил неуступчивого чиновника? Или, точнее, что: нефть? газ? металл? лес? транспорт?... Или что-то иное? Но за каждым таким понятием стоят организации, деньги и люди. Последних, зная интерес, нетрудно вычислить.

– Как думаешь, Виктор Петрович, старик не лукавил, отпевая казанских? Ты этого Касыма, или как там его, знаешь?

– Игорь Касимов – четыре судимости, от сто второй и сто сорок пятой – наверх. Полный, как говорится, набор. В законе больше десяти лет. Из отморозков. Еще чего-нибудь добавить для полноты картины?

– Нет, данного комплекта, – ухмыльнулся Турецкий, – вполне достаточно. Я вот о чем подумал: какой смысл был Новикову, если он принял заказ вместе с теми двумя киллерами-гастролерами, ему-то зачем было афишировать свои связи с казанскими? Или они сейчас в силе и потому на них опираются заказчики?

– Вячеслав небось рассказывал, что было дело, когда мы их здорово пощипали. Но, к сожалению, и только. Эх, Александр Борисович, – тяжело вздохнул Гоголев, – не моя воля... В Москву звонить не собираешься? А то кабинет, можно сказать, рядом.

– Наверное, до утра отложу. Надо будет по Новикову дать дополнительные сведения, а сейчас уже поздно. А ты не торопишься, гляжу? Тогда пошли ко мне, посидим еще чуток, как люди. Не все ж с ворьем гулять?... Хоть и высокопоставленным!

– С удовольствием. Тут, между прочим, есть очень хорошая лавочка. Давай заглянем, выберем что-нибудь по настроению...

Настроение, как быстро выяснилось, потребовало не замены уже принятого на грудь продукта, а его продолжения. В качестве закуски же Гоголев, оказавшийся большим эстетом в гастрономических делах, предложил маринованные мидии, ракушки одним словом. Турецкий пробовал эту еду, будучи в Германии, и в принципе не возразил против некоторых изысков. Но, узрев импортную упаковку, на коей значились «Миноги копченые», не мог удержаться и резко ополовинил свой бюджет. От одного их вида пахло беспечной юностью, когда даже нищий студент мог зайти в ресторан московского Дома журналистов и заказать себе пребывание в раю за рупь с копейками. К сожалению, все уходит: и молодость, и миноги. Но остаются воспоминания. Они и окрылили Александра Борисовича: он взял две упаковки.

Это было чудо. Сидели два мужика, с наслаждением пили и закусывали. До тех пор, пока не раздался телефонный звонок – приглушенный, но настойчивый.

– Они знают, что я дома! – многозначительно сказал Турецкий и медленно поднес трубку к уху.

– Я так и подумал, что вы не спите, – послышался знакомый говорок, в котором «что» звучало как «шо», а «вы» – как – «ви». Добавить еще «таки да», и перед глазами встанет очень хитрый и очень мудрый недавний хозяин застолья, впрочем, весьма благочинного.

– Я узнал вас, Ефим Юльевич, – ответил «важняк». – Чем обязан вашему звонку?

– Так вот, я подумал, что любая весть, как вы говорите, лучше сразу, да? А то пойдут кривотолки! Зачем?

– Новые сведения? Удобно ли?

– Увы! Я хотел, знаете ли, чтоб этот грубиян послушал кассетку, которую вы мне дали. Понимаете? Попросил отвезти ему... Помните того вежливого молодого человека? Костя его зовут. Так он сейчас приехал и говорит: «Слушайте, говорит, уважаемый Ефим Юльевич! Вы знаете, что этот потс натворил? Он нажрался какой-то дряни и шагнул себе из окна». Вы представляете? Шагнул, идиёт, прямо с десятого этажа... Ай-я-яй, я всегда подозревал, что у этого рыжего грубияна не в порядке с головой. Вы можете быть таким грубым? А я? Ну конечно нет! Такая беда... А ведь я хотел, чтоб он сам себя услышал хотя бы раз и – устыдился!

– Я вам искренне сочувствую, Ефим Юльевич, – сказал Турецкий, – делая большие глаза насторожившемуся Гоголеву.

– Да, спасибо, хотя... сами понимаете, не легче. Так я что хотел сказать: с кассеткой этой что ж теперь делать? Вам прислать?

– Я думаю, будет правильно, если кто-нибудь из ваших помощников, да хоть тот же Костя, подвезет к Виктору Петровичу. Милицию, я полагаю, вызвали?

– А как же! – с жаром воскликнул Рафалович. – Причем сразу! Он, оказывается, крепко баловался наркотой. Наверное, отсюда и такие вспышки... темперамента. Вы меня понимаете?

– Я вас очень хорошо понял, Ефим Юльевич.

– Передайте мой сердечный привет вашему московскому коллеге. Я забыл попросить вас об этом одолжении при прощании. Всего доброго, хорошей вам дороги.

– Спасибо, – почти по слогам произнес Турецкий и услышал гудки отбоя. – Интересно, что это он меня провожает?

– Ну что там? – вскинулся наконец Гоголев.

– Тот рыжий нажрался или накололся наркоты и вышел на улицу. Через окно на десятом этаже. Ничего? Про кассету ты уже слышал.

– Хм... Он что же, считает, что закрыл вопрос?

– Нет, просто временно снял напряжение. Кстати, Петрович, ты помнишь, там, на квартире у Новикова, его сосед, кажется Гриша, описывая гостей, по-моему, назвал одного остролицего такого, с рыжеватыми волосами. Или я ошибаюсь?

– Было, точно.

– Петрович, надо срочно узнать, кто там возглавляет дежурную бригаду, и дать им следующее задание. Эксперт-криминалист труп, конечно, запечатлел, пусть и лицо отчетливо снимет, даже если оно разбито. В квартире необходимо найти фотографию этого рыжего, желательно, конечно, из последних прижизненных. Можно и из паспорта. Понимаешь, какое дело? Если все это завязано в такой тесный клубок, я бы проверил все фотки на том Грише. И Рыжего, и фотороботы киллеров. Соседей бы порасспрашивал, тоже предъявил им карточки. Это – во-первых. А во-вторых, надо не просто зафиксировать смерть от... Скажи, чтоб все пробы с ходу отдали биологам и химикам на экспресс-анализ, так у нас уже к утру может быть достоверная картина. Слишком лихо сработано. Не верю я ни в какие наркотики. Хотя...

Гоголев тут же засел за телефон, через дежурного по городу узнал, какая бригада на выезде. Затем перезвонил к себе в угрозыск и выдал экстренное задание. Там, похоже, стали упрямяться, но Гоголев был непреклонен. Положив трубку, удовлетворенно заметил:

– Пусть побегают. Совсем разленились. Поддай им, видишь ли, на блюдечке. В общем, все сделают. Ну, наливай, давай помянем этого Копперфилда, земля ему, дураку, пухом.

– Почему Копперфилд?

– Иван сказал, что фамилия самоубийцы Копер. Кстати, не из тамбовских. Да, клубочек, однако... Но теперь мне интересно, какое место здесь занимает Рафалович?

– Сдает помаленьку и тех и других? Ты это хотел сказать?

– Боюсь, другое, Александр Борисович. Выбрасывает лишних. Но так, что нам остается только удивляться. И пить с ним водку при случае.

– Ну наш-то случай, прямо скажем, не самый обычный!

– А я не про нас. Я – про теньденьсию! У вас, в Москве, что – иначе?

– Та же картина, и та же, ты прав, тенденция. Но у вас все равно лучше. У вас миноги продают!... Кстати, сожаление у старика звучало абсолютно искренне, слух меня не обманывает. И тем не менее это он торопит события. Зачем?

– Значит, мы где-то все-таки наступили на него. Или на того, кому и он служит. Но твоему Щербине, мне кажется, подкинули еще подарочек.

– Во-первых, не моему, а вашему. А во-вторых, я бы пока подождал приобщать это дело к делу об убийстве Михайлова. Доказательств-то пока никаких. А что мы с тобой тут себе думаем, к делу не пришьешь. Тухлый «висяк» – хуже не придумать...

КАЖДОМУ – СВОЕ УТРО

Непогода в Москву приходит, как правило, из Питера. Там начнется дождь – жди его через день-другой в столице. Вот и теперь навалилась холодыга – хмурая, неуютная. А ведь только начался сентябрь. Что ж дальше-то будет?...

Вице–премьер российского правительства Михаил Нечаев ехал на Неглинную, где располагалась основная резиденция Центрального банка. Там в скором времени должен был состояться серьезный разговор с его председателем. Ну, не такой, скажем, чтобы беспокоиться за его исход, скорее очередная рабочая встреча, однако на душе у Михаила Гавриловича было сумрачно, будто по погоде. Тому было несколько причин: и первая, вот уж когда воистину и природа плачет, -пришедшая несколько дней назад из Питера трагическая весть об убийстве Васи Михайлова.

Василий, к которому Нечаев уже много лет испытывал самые лучшие дружеские чувства, был постоянным и верным участником грандиозной программы приватизации, разработанной и последовательно проводимой в жизнь Михаилом Гавриловичем, кстати, также не без активной помощи все того же Михайлова. Но каждый шаг этой программы, каждое очередное решение правительства вызывали все увеличивающееся сопротивление противников экономических реформ, а их хватало и в Совете Федерации, среди «красных» губернаторов, и в Госдуме, да и в самом правительстве, и даже в банках. Уж им-то, кажется, чего возражать, банкирам-то?... Им и карты в руки! Нет, те же политические игры. Да оно, в общем, и понятно: происхождение капитала и диктует свою политику.

В боксе, которым и Михаил, и Василий когда-то в юности занимались, любительским, естественно, всегда особенно ценилось умение держать удар. Так вот, Вася – и это видел Нечаев, и за это крепко ценил друга – умел держать удар. Даже в ситуациях невероятно трудных, как эта, последняя. Но кто ж мог предполагать, что противник, вместо честного боя, предпочтет запретный прием?... А если проще, внесет в экономическую политику в качестве решающего аргумента главный способ бандитских разборок. Поэтому в той трагедии, что случилась в Питере, Нечаев видел и свою вину. Правда, битвы без жертв не бывает, это известно, но как объяснить сей постулат близким этой жертвы? Да самому себе, наконец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.